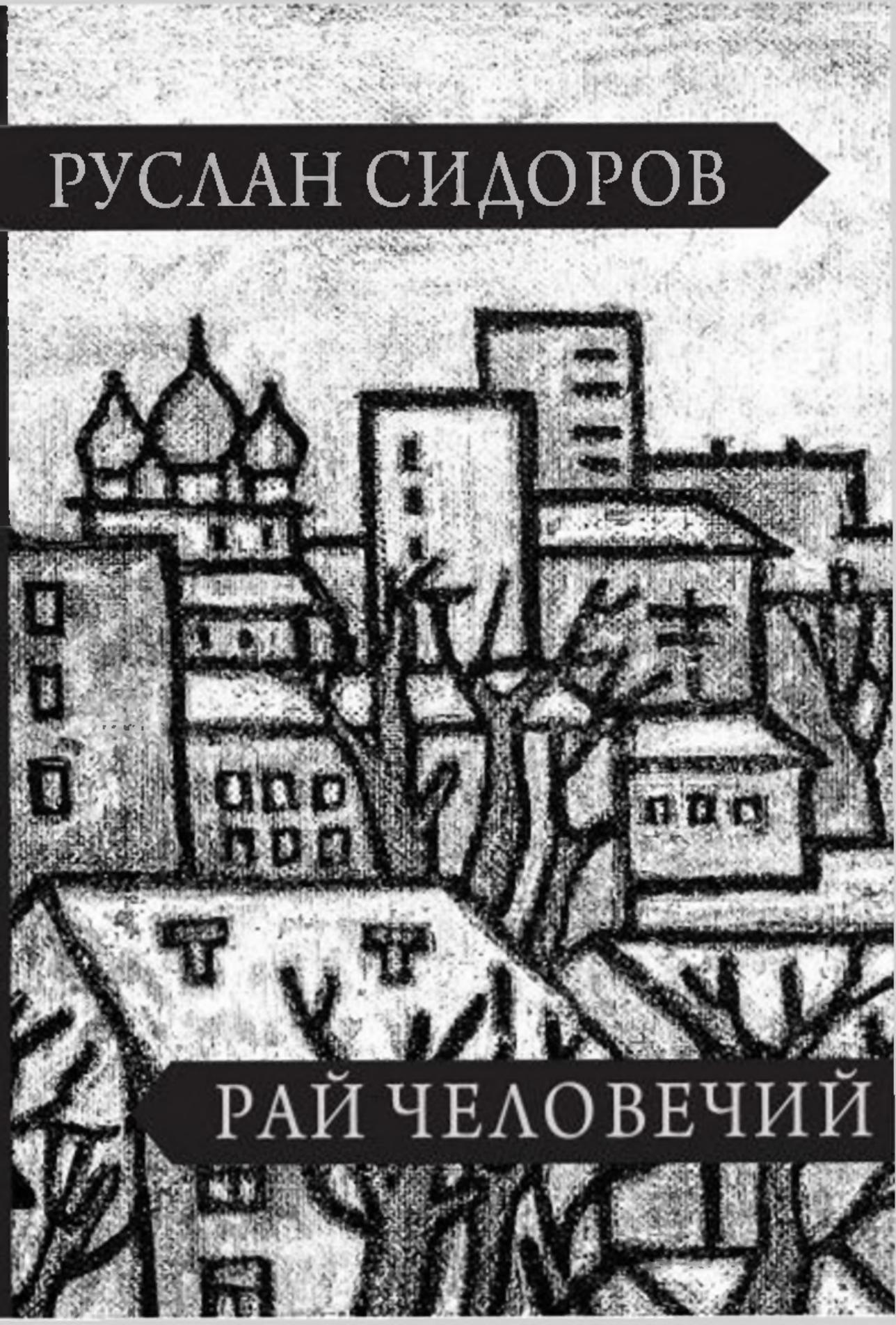

РУСЛАН СИДОРОВ

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

Руслан Сидоров

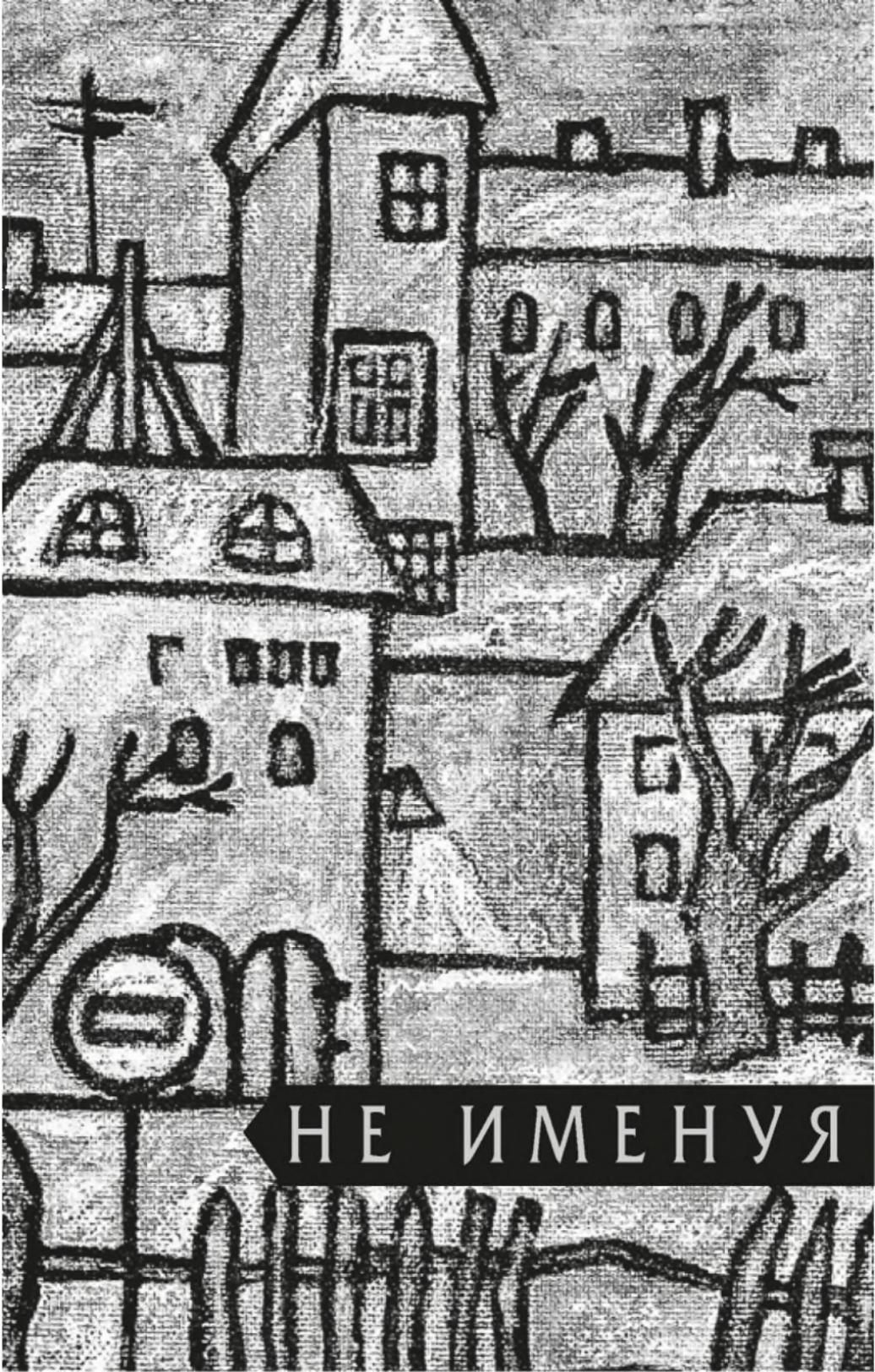
РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

При информационной поддержке
Кемеровского регионального представительства
Всероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»

Составитель: Сергей Ерофеев

КУЗБАССКИЙ ЦЕНТР ИСКУССТВ

Кемерово 2020

НЕ ИМЕНУЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Номады не взыскуют имя Бога.
Не именуя – помнят про него.*

Руслан Сидоров

«Не именую, чтобы не обеднять». Именно так написал тридцатилетний поэт в шуточном «Предисловии автора» к первой толенькой книжке стихов, «проникнутой» – по слову этого же предисловия – «здоровым духом Уродства». Написал тридцатилетний русский поэт. Поэт – Руслан Сидоров.

Было ли в той книжке «здоровое Уродство» – судить не возьмусь, а вот здоровое Кокетство (именно так – с заглавной буквы) определённо присутствовало, как следствие авторской уверенности в качестве отобранного поэтического материала и неуверенности в реакции на него. Нет – не в силе реакции, не в её направленности, а именно в самом наличии... «Зачем писать стихи, которые не читают?» И впрямь, зачем?

Первый сборник поэтических сочинений Руслана составлял сам, составлял как «доску почёта» или «полочку достижений», поэтому в тщательности отбора не приходится сомневаться. Ко времени выхода этой 60-страничной карманного формата книжки он писал уже полтора десятка лет. Когда, столько же лет спустя, друзья стали разбирать поэтическое наследие поэта, обнаружили сотни ранних стихотворений, достойных помещения в сборник, но, тем не менее, не помещённых в него.

Впрочем, были в черновиках и тетрадях Руслана и «мертво-рождённые» вещи. Среди них есть одна знаковая, с названием «Не именуя».

В случае Руслана – это, кстати, обычно: выносить в заглавия сборников поэтические строки. Полагал ли он, что название – как и предисловие, уже настраивает читателя на некоторое, условленное заранее, восприятие материала, то есть – ограничивает читателя в

свободе сотворчества? Или, что напротив: ничто так не выражает настроение текста, как часть самого текста? Что любая искусственная, не содержащаяся в нём мыслеформа обедняет, в том смысле, что отвлекает, а не недодаёт?

С самими стихами – то же. Редкие отмечены в содержании не первыми строчками. Это и позволило автору, не включая в сборник неудавшееся стихотворение, оставить название, придав ему новый несвойственный смысл.

«Зачем писать стихи, которые не читают?» И впрямь, зачем? Ведь не ради «здорового духа Уродства», и не Кокетства ради. Не для исповеди или проповеди, – тут-то как раз необходима аудитория, да и прозаический жанр подходит куда как более. Ответ – в том самом, исключённом стихотворении – в вынесенной здесь эпитафией безупречной его концовке: даже не взыскав стихов как мелодики Слова, люди помнят, что Поэзия существует. Так номады, не призывая Бога по имени – «Не именуя», помнят о незримом Его присутствии в каждой черте их беспросветной кочевой жизни.

И для Поэта заданный им (не читателю, а куда-то в пространство, может быть, Богу) вопрос никогда вопросом и не был. Поэзия – есть служение Слову, а значит – высшее человеческое служение, никак не зависящее от числа лиц, открывших и просмотревших ту или иную поэтическую брошюру.

Нынешний «Не именуя», хотя и носит то же название, что и предшественник, и составлен на его основе, – не является банальным переизданием. Он сформирован заново, и включает ряд нигде не опубликованных прежде стихотворений поэта для более полного знакомства читателя с его творчеством.*

Предисловие самого Руслана из сборника 1998 года, для повышения уровня преемственности смыслов, приведено ниже.

Сергей Ерофеев

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Если стихи, напечатанные в книжке, можно не считать стихами, то книжку нельзя не считать книгой, поскольку в ней уже имеется предисловие.

Пусть и автора только.

Зачем писать стихи, которые не читают? Не знаю. Наверно, для того, чтобы поддержать их изданными книгой с собственным предисловием.

Не именую, чтобы не обеднять.

Всё нижесказанное проникнуто если не (то есть конечно не) талантом, то большой долей здорового духа Уродства.

Руслан Сидоров

** Из уважения к авторскому выбору, стихотворение, давшее сборнику имя, в этот ряд не вошло. (Здесь и далее примечания составителя).*

* * *

Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без ромбов и погон –
таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
оркестр сыграл нам бодрый туш,
и юный ротмистр Бальмонт
нёс романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
и «брехунок» оповестил,
что поезд на Парнасский фронт
отходит с третьего пути.

Ходили кружки по рукам,
и пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война,
кто вышел в чине, кто погиб,
а кто сказал: «анахмнена», –
и от своих побёг к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,
и поседевший старшина
в хрущёвке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
в опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
строфу он составляет так:

«Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без ромбов и погон –
таких давно уже не шьют...»*

* Данный вариант стихотворения представляет собой симбиоз версий из сборника «Не именуя» (Новокузнецк, 1998 год) и журнала «День и ночь» (Красноярск, №4, 2009 год).

* * *

Всё длится сумрачный февраль,
всё лижет стужа окна ночью.
И настроение «не очень»
всё чаще повторяться стало:
как вечер, так придёт усталость –
сидишь, и ничего не хочешь,
и за окном скрипит февраль.

Уже не тянет даже выпить.
А ветер ноет, снег всё сыпет, –
сухой, секущий, мёртвый снег.
Не спишь. Но будто бы во сне
бредёшь в бреду, в полузабытьи,

а в спину льбится февраль
ехидной тонкою улыбкой.
И месяц – бронзовая рыбка –
залеplen грязью хмурых туч,
и воздух вязок и тягуч.
Нелепой кажется ошибкой
нелепый, длительный февраль.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Мне так не хочется на бой,
«...туда – на жизнь, на торг, на рынок...», –
единства, а не поединка,
согласия с самим собой.

Пусть впереди не всё темно –
урод живет противу правил –
мне хочется немых кино
и чёрно-белых фотографий.*

* Вторая строка в первоначальном варианте оканчивалась точкой, а третья начиналась с заглавной буквы, однако смысл строфы при таком написании не ясен.

* * *

Утро врывается в город позёмкой,
хлещущей по лицу.
Люди идут на завод и в подземку,
сами себя несут

на изнурительный и бездарный,
всё ещё рабский труд.
Так вот, дешёвым дыша перегаром,
жили и так умрут.

То ли начало какого-то века,
то ли его конец.
Потно и красно лицо человека,
льющего век свинец.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Я родился в городе, где каждый второй
болен тяжёлой болезнью лёгких.
Пролетая над ним, даже вражеский лётчик
не сдержит возгласа сожаления.
Полноводное серебро
окислилось – струи чернят колени.

В этом городе даже в колоде карт
нет королей, и это
объясняет многое:
всенародность игры «в дурака»,
популярность у дам валетов
и домашних четвероногих...

* * *

Что жизнь? Игра на балалайке
имеет больший смысл, наверно.
Собака воет, воет, лает,
и на душе от лая скверно.

Оплакивает смерть чужую.
Чужую? Может быть, мою?
Нет. Я живой. Пока держусь я.
Не пью. И даже не пою.

И я преподаю предметы,
и разъясняю, что к чему.
И, может быть, и впрямь всё это
моё. Пока что не пойму.

Да и зачем мне пониманье?
Я вспоминаю невзначай
Экклезиаста. Там, где знания,
там по соседству и печаль.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

На уровне молекулярном
менялись мозги от прочтения
почтенных и популярных
авторов нравочений.

Одни говорили – «Это!»
Другие – почти что то же.
А я становился Поэтом,
в стихах на себя похожим.

* * *

Недоучившийся учитель...
Неунывающий мечтатель...
И всё же, что ни говорите,
всё, что ни делается – кстати.

Быть может, не совсем пока что
я с прошлым разорвал все нити.
Кто прав? Пусть время то покажет,
недоучившийся учитель... *

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Весна входит в город развязной
и ветреной девкой на бля.
А в памяти – первообразной –
чернильный исход февраля.

Снег, вульгаризованный грязью,
опошил слюдянистый наст.
Весна для венца и для казни
разводит с тобою нас.

* * *

Я сегодня проснулся и выпил свой чай.
И пошёл на работу. И опять опоздал.
И небо, прозрачное, как печаль,
спросило: «Ты мой?» – я ответил: «Да».
В общественном транспорте тесно, тепло,
как в сердце, которое полно любви.
Между мною и небом – только стекло.
Выдернув шнур, на стекло надави.

Ничего не нельзя. Всё можно.
Рукою достать до звезды или выпить море.
Сердце бьётся ровно и мощно,
как волна океана о спину мола.
Если спросят: «Что такое весна?»,
ответу: «Весна – это время года,
когда поутру, смыв остатки сна,
первое, что помыслишь: любовь и свобода».

И «красота спасёт мир» – не просто слова.
И верой действительно двинешь гору.
И мысль о том, что живём снова,
не имеет отношения к горю.
И можно идти, идти и идти,
не зная куда, за тем, чего нет. И
«Все пути ведут в Рим» – враки.
Если летишь –
все пути ведут в небо.*

* Данное стихотворение представляет собой симбиоз версий из сборника «Не именуя» и журнала «После 12» (Кемерово, №2, 2013 год).

* * *

Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно вначале прижаться к земле,
влюбиться в земное, слиться с земным.
Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно слиться с землёю, раствориться в земле.

Может быть, чтобы увидеть землю,
нужно долго-предолго смотреть в небеса,
взмыть и плыть в небесах.
Может быть, чтобы приблизить землю,
нужно жить в небесах.

* * *

Нет. Не стоит на стены лазить,
резать вены и с крыши прыгать.
Это всё от гордыни лихо,
и с несчастьем можно поладить.
Улыбаться. Молчать, как рыба.
Шествовать неприметно и тихо.

Нет. Не стоит стучаться в двери,
руки, ноги и лбы разбивая.
Ну, откроют вам. Что с того?
Толку мало от этих истерик.
Глупо. Сами себя убивая,
убиваем в себе Его.

Нет. Не стоит спиваться, рваться.
Жизнь у нас без того недлинна.
А порывы души болят.
Уходите-ка в кельи, братцы.
Если кельи душе не милы,
уходите в леса, в поля.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Уйду в тайгу. Уйду в тайгу.
Уйду, когда настанет лето.
Процеженным сквозь хвою светом
умоюсь в травяном логу.

Алмазы утренней росы
босыми соберу ногами.
Бедняк, кто в шлёпанцах шагает.
Тот, кто богат, идёт босым.

Хрусталь стремительный – вода –
упругой одарит прохладой.
Мне лживой женщины не надо,
жена – река – верна всегда.

Разбавит вечер костерок.
Уже поставлена палатка.
Уже уши покушал сладкой,
песком почистил котелок.

Бесшумно падает звезда.
Желание не загадаю.
Зачем? И так не обладаю,
чем обладать хотел всегда...

Перетерплю, перемогу,
перенесу и то, и это.
И только лишь настанет лето,
уйду в тайгу. Уйду в тайгу.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Стих часто дольше сильных чувств,
поэтому правдив лишь частью.
Печаль прочней и дольше счастья.
Так, вопреки моим «хочу»,
стих – стенография печали.

И той, которая светла,
и той – ночной, безумной, чёрной.
Уныние – дорога к чёрту,
печаль – сырьё для ремесла.
Чай, чтение, чань,* а чаще чётки

затем лишь, чтобы оборвать,
уйти, переменить размерность...
Любая химия, химера
права, коль ущемит в правах
печали молчаливой меру.

Продукт бездействия несхож –
увы – с плодами надеянья.
Зачем (сильнее – на...) мне
строй недостроенных стихов,
сей онанизм хореев-ямбов?

Ярмо? Тавро? Привычка? Блажь?
Самозащиты хитрый способ?
Перо, игла, заточка, посох –
как инструменты ремесла
решенья проклятых вопросов.

*Чань (чань-буддизм) – одна из школ буддизма. Упоминание о чане, как инструменте мирозерцания, часто встречается в творчестве Руслана.

* * *

Есть в слове «надо» ад, а в слове «нужно» – ужас.
Стоят по жизни Сциллой и Харибдой,
и с возрастом проход всё уже, уже...
Уже они сияющей харизмой
слепят мозги. Не в радость только – «надо»,
неможется, но «нужно» – и давай.
И ужас жизни перед этим адом
косой нарежет смерти каравай.

* * *

Что бесхарактерность? – пространство, а характер –
лишь линия в пространстве. И кораблик,
что по дуге торопится до порта,
допустим, будет первым – в жизни спорта,

бесспорно, предостаточно – но всё же
сама возможность, что представить можем
прибыть в порт, сам порт, портовый город,
портвейны, порно или же другое:

библиотеки, залы, оперетту...
Пойти туда и взять с собой вот эту;
потом семья, потомки... делать дело,
рост знания, состоянья, биддинг тела...

Вот чёткая и честная черта
из точки в точку. Точка. Пустота.
Ведя дугу в пространстве: «а что, если б...»,
что я могу? Я солипсуюсь в эллипс.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Среда –
как атмосфера взаимной индукции мысли –
отсутствует. Да.
Но вместо того, чтобы дуться, я
повторю: «Один в поле воин» – в том смысле,
что есть ещё самоиндукция.*

* Первая строка первоначального текста стихотворения для упрощения восприятия разбита на две.

* * *

Май. Сумерки. Цветёт рябина...
Сквозь тополиную листву
вечерний луч к окну пробился
и впился в стену. На траву
летят, ещё едва заметны,
пушинки тополей, и луч
окрашивает красным цветом
при встрече каждую. В углу –
проекционная картина –
обоина бесцветна, но
кольца Ньютона паутина
разрисовала полотно.

Луч, умирая, усложнился
и разложился, но не так,
как человек, который жил и
закончил, до смерти устав.

* * *

В шапочке из белого войлока
прошагать по улицам города,
воротиться в пустые комнаты,
(дань акустике) слушать музыку...

Выпить чай, почитать хорошее,
не пытаться ни «Ицзин»*, ни зеркало.
Так и жить до поры до времени,
удалившись от ливней лишнего...

Выкроить из личного чёрное,
ничего плохого не трогая.
В шапочке из белого войлока,
не запачкавшись чёрным городом...

* «Ицзин» (вернее, «Ицзин») – древнекитайский трактат I тысячелетия до н.э., представляющий собой развёрнутую гадательную систему. В России более известен под названием «Книга Перемен».

* * *

Голые стены квартиры.
Окурки. Белая тара.
Пыль на полу. В сортире –
сломанная гитара.

Похмелье. Хрипы из крана.
Хочется сжечь будильник.
На чёрно-белом экране –
улица Пикадилли.

В пол-лица гематома.
В желудке почуяв жженье,
прокашливаясь со стоном,
пачкаешь губы желчью.

Это всё так знакомо
тем, кто знакомы с горем,
в коме живущим, с комом,
прочно застрявшим в горле.

* * *

Пьян я, как Модильяни
в дни молодой нищеты.
Напрасно в моём кармане,
карманник, шарисься ты.
There are nothing money.*

* Первоначальный вариант первой строки: «Я пьян как Модильяни...». Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Ей было сорок, ему двадцать пять,
и он её чуть стеснялся.
Но каждый вечер он шёл и опять
в жёлтую дверь стучался.

Она была доктором точных наук,
а он сталеваром в домне.
У неё – голова, у него – пара рук
и прочего, впрочем, вдоволь.

Когда он женился, нет, не на ней,
ему двадцать шесть было.
Она невесте, теперь уж жене,
белое платье сшила.

Прошли года, и его сын
с её обручился внучкой.
А он на свадьбе, напившись косым,
сказал: «Породнились, сучка...»

МЕТАМОРФОЗЫ

Она мечтала о комнате с ванной...
О подарочных томиках Томаса Манна,
что присмотрела вчера...
Починить пылесос... Дотянуть до зарплаты...
Чтоб доктор хороший, и ей не заплакать
от боли, как в первый раз...

О тайной секте, ведущей к Богу...
Оральном сексе с витальным Вовой...
Раздать бы долги в феврале...
Она мечтала о муже: в театре
он самый первый во фраке в антракте
выносит ей кофе в фойе.

Мечтала – по с детства знакомой привычке –
мечтать, заключая реальность в кавычки;
мечтала, чтобы не жить
мрачную жизнью с суровым Богом,
что запретил уходить убогим
самим, наточив ножи.

Прошли года. В объятьях дивана
после джакузи, с томиком Манна,
мечтала выспаться всласть.
Внуки на даче. Муж за границей.
Младшая с зятем на отдыхе в Ницце.
Всё. Улыбаясь, спала.

* * *

Что у меня осталось?
(Встречный вопрос: а что было?)
Остались стихи и усталость.
Что было – то не забыто.

Не сбылось то, что хотелось.
Крест-накрест забиты двери.
...Течение несло, вертело,
било о каменный берег.

Выбросило на остров.
Полз, кровью пачкая камни.
Болью мучительной, острой
меня донимала память.

Нашёл робинзонов пару.
Мы с ними глушили водку.
Я растворил свою память.
Я прожигал жизнь и глотку.

Трио – робинзонада.
Банальная русская тройка.
Мне кто-то шепнул: «Не надо»,
и я прекратил попойки.

Теперь я совсем не помню,
во что я когда-то верил.
Мне снятся: палящий полдень,
кровью испачканный берег.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Вот берег. Он морской. На нём лежит
безжизненное тело кифареда.
Сандалии облизаны волной
и выкрашены лунной серебрянкой, –
совсем как новые. Поэтому они
снимаются с покойного илота,
по воле случая гуляющим вдоль моря.
Быть может, чем-то Зевсу был он мил,
и тот замолвил слово пред Морфеем.

...не встретив сна, илот покинул ложе...

...прокравшись в дом, спартанцы-сорванцы,
стилет вонзив, истратили замах,
испортив лишь тюфяк и лён циновки...
Илот, не зная ни о чём, гулял.

Озлившиеся мальчишки при встрече
макнули сталью в сердце кифареда,
который перед этим чудом спасся,
единственный, с галеры затонувшей,
меж Сциллой и Харибдою в ночи.

Илот остался жив, нашёл сандалии.
А мальчишки в ту ночь уснули злые.
А с кифаредом встретился Харон.
Никто не знает, почему так вышло.
Никто не прав. Никто не виноват.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в авторском варианте.

* * *

Время людей деловых приспело.
Я буду петь маргинальную песню.
Нету мне дела до жара жадных –
лечь и лежать бы.

Бедность небедных – визитка чести,
глядя отсюда на Темзу в Челси,
я на Томи загораю в Кузне.
Хлеб на воздухе вкусный.

Денег нехватка хотя и заботит,
но осознание того, что работать
надо на дядю, семью, государство...
Дайте мне денег даром.

Берите в братья, братья-бродяги,
в дудку дудеть, бормотать бодягу,
петь лабуду, лебедой питаться,
светло витийствовать. Может статья,

чего и выкружим, если нет, то –
всё ничего, ведь брутто от нетто
разнится только лишь упаковкой,
которая суть – дешёвка.

* * *

«Я – это то, чем я был», – говорил старик.

«Я – это то, чем я стану», – сказал пацан.

А я и не знал: а мне-то что говорить?

Я пиво пил и шелушил ельца.

Что впереди – ничто, позади – ничто.

Что в настоящем: лето, тепло и Я.

И этот старик-иудей с детским лицом,

и этот пацан, что так по-взрослому пьян.

СВЯТАЯ СЛЕПОТА

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
шёл в июнь черемуховым снегом,
и пацан босой по лужам шлёпал,
слушая, о чём шумели клёны.

Клёны говорили – он не верил.
Клёны уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел, и небо было ясно.

Было ясно: будет всё красиво,
как сирень, умытая июнем,
как подсолнух Солнца над Россией,
как его безудержная юность.

Шёл с душой пацан и не боялся.
Клёны говорили – он смеялся.
Клёны уверяли – он не верил –
про петлю в каком-то «Англетере».

* * *

Душа моя простая, грустная,
а ещё весёлая, сложная,
а ещё она очень русская,
а ещё – на твою похожая.

Душа моя чистая, детская,
а ещё она тёмная, старая,
а ещё – белоснежно-серая,
а ещё – безнадёжно-усталая.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Город мой. Запылённый и грязный.
Подворотни ножами крысятя.
Ежеутренне в транспорте дрязги,
и за окнами трубы высятя.

Над тобою небо заплёвано.
С дымом ржавым замешано облако.
Даже солнце здесь тусклое, блёклое.
Слабо-серо блестит, как олово.

Улыбаться здесь трезвым не принято.
Ходят люди понурые, скучные,
все какие-то жёлто-коричневые,
вялой поступью, рыхлые, тучные.

Друг на друга, как братья, похожие.
На всех лицах печать обречённости.
В животы им втыкают ножики
в подворотнях мальчишки с девчонками.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Это место нашего с тобой... детства(?),
моего и твоего детства.
Время, от которого некуда деться,
здесь предаётся бездействию.

Ничего не изменилось. Тот же ручей, тот же камень,
тот же гаммарус в ручье... Река лишь
чуть обмелела, но ясно, что это
следствие слишком сухого лета.

Клёкот кобчика взвился и оборвался,
запад прячется в розовой вате,
а ветер рвёт одеяло с неба
и приносит запах домашнего хлеба.

Хлеб, молоко и мёд и... Не знали о Шелтоне
в ту пору, в эти места зашедшие,
а вернее, заплывшие, – как не знали
об абортах, запоях, изменах, смертях, безнале...

И в этом незнание была чистота и сила,
что теперь потрачены временем,

всем, что было...

Спальник стелю на пихтач там, где они стелили.
Где думали, что любили,
и, как теперь ясно, – любили.

* * *

Серебряные птички звёзд
слетали с неба постепенно.
Листва травы дошла до слёз,
когда запели

сиренью синей соловьи,
и солнце расплавляло стёкла
червонным золотом своим
в моей светёлке.

Давно? Недавно? Навсегда
мгновенья счастья станут нами,
стихами, песнями и снами,
свирелью соловьёв в садах.

* * *

Глядя на часы, видишь, как теряется время.
Теряется то, чего нет. Ты
затягиваешься сигаретой,
поглубже вжимаясь в кресло,

думаешь: «Что же завтра?» –
зная, что ничего либо – то же.
Зевая, доешь свой завтрак,
пойдёшь на работу. Позже,

поужинав, сядешь в кресло,
выпьешь свой чай и, трезво
взглянув на часы, заметишь,
как теряется то, чего нету.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Ты знаешь, как слышна тишина
ночью, часов после трёх,
когда темно и когда луна
за душу лучом берёт?

И взгляд уходит вверх по лучу
света из темноты.
Природа молчит, и я молчу,
и слышно, как пахнут цветы.

Тысячи языков листвы
чащи шепчут слова.
Всё чаще коротенькое: «Увы!»
вторит листве трава.

Ты знаешь песенку костерка
ночью на бережке?
Как бережёт тишину река,
а рыбы поют в реке?

А если вдруг деранёт коростель,
то это звучит, как взрыв.
Ты знаешь, как сердцу видно в темноте
пламя Божьей искры?

И по ночам, когда темнота
комнаты тяжела,
память ведёт меня по местам,
где с нами луна пыла.

В той самой реке, где рука в руке,
точно в раю. Вдвоём.
Шалаш. И рыбы поют в реке,
и тишина поёт.

И если печаль – то печаль светла,
как говорил поэт.
Ведь темнота, что тогда была,
была похожа на свет.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

ТРАНЗИТ

Вокзал. И опять опоздал я
на поезд. Садисься в другой.
Поплыло знакомое зданье,
знакомится обций вагон.

Вокзал. Пересадка. Толкучка
в буфете... Подкрашенный чай...
Скучает случайный попутчик...
Часы... Голова Ильича...

Вокзал. В переходе подземном
народ, берегущий багаж.
У кассы страстей Колизея
накал: «Крайний ты здесь?» – «Ага!»

Цыгане. Цыганские дети.
(А я кто? Куда мне? К кому?)
«Не нужно случайно билетик?» –
«Докуда?» – «Дотуда!» – «Возьму!»

Вокзал. Опоздание. Ждачка
на энные ...надцать часов.
Газеты. Статейная жвачка.
Реклама тросов и трусов.

«Немного любви?» – «Нету денег...» –
«А за сигаретку?» – «Пошли».
(Обычное, в сущности, дело
любой привокзальной земли).

Дороги. Транзитные рейсы.
По жизни, транжиря, бежит
пространство и время по рельсам –
вагонно-вокзальная жизнь.

Пустеющий зал ожидания.
Вокзальные слёзы. А – пусть!
А я не хочу – «до свиданья!»
Пусть и с нецелованных уст.

Окурки сметает с перрона
косоющийся к осени дождь.
Вагон. Я снимаю корону,
сажусь у окна и – гудок...*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Горячий щебень. Запах креозота.
И в перспективе убежавших рельс
миражный воздух изобрел чего-то,
горящее, как шапка на воре.

Шаг соразмерен спальным промежуткам.
Вокруг поля, холмы, трава-ковыль,
кузнечики шушукаются шустро.
Льёт золото из горней синевы...

Здесь, по местам былой бесславной славы,
что по-другому памятью зовут,
я прохожу, и миражи плывут

из прошлого, навстречу, величаво.
Благослови, Господь, солёный труд
и память о несчастьях нечестых.

* * *

Мир знал до человека о себе
и ныне сохраняет это знание.
И что ему до суетных созданий,
взыскующих до истины небес,
что вызвали в помощники богов,
придумали какую-то науку –
наверняка – Большое Ничего?
Тщета. Стрельба в созвездия из лука,
пожалуй, плодотворней. Ведь она,
та Истина, коль есть, – нечеловечна.
Не потому ль так лыбится луна,
за нами наблюдая каждый вечер?

Ничтожный хохотунчик ручеек
об этом валуну звенит руладой.
А Тишина стоит, хранит Своё.
Так было. Есть. Так будет. И так надо.
А может быть, Луна, Валун, Ручей
в какие-то довременные дали
соскучились и вывели создание,
чтоб посмеяться было им над чем?
Чтоб радоваться милой толкотне
слепых кутят, дурашливых, безвредных...
Не потому ли именно Луне,
воде и камню поклонялась древность?

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

Запах прохлады и рыбы,
зелень хвои и синицы,
и отражённая глыбень
тверди в зеркальной странице:

озеро – как по лекалу –
правильный эллипс – случайность?
Тот берег – скудные скалы,
этот – сосняк и песчаник.

Десять шагов от палатки –
лес, наступают маслята.
Густо, душисто и сладко
от земляничной поляны.

Полдень и лень. На песочке,
под душегреющим рондо
мысль о курортностях Сочи
кажется просто порочной.

Рай и один, – лещик плещет,
скалы молчат, сердце бьётся...
Дорог мне рай человеческий,
ибо на время даётся.

* * *

Пальцы, мнушие сигарету,
отвлекаются придавить комара.
Лето.
Жара.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Мысли, лишённые реального содержания,
об ангелах, карлсонах, нейтрино (?),
промысле божьем, Жане Вальжане,
Змее Горыныче, Третьем Риме...

Мысли помешанного, смешного, незащитного
человека о величии духа, тщете земного,
об устремлении разума к чистому
разуму – плюс немного

фантазии, внутренней азии,
чувственного дрожания,
мистики, музыки, математик...
Держащий реальность на содержании
бесполезен земле. В хрестоматиях

христианства такого окрестят юродивым,
доверят устам слово божье.
Бесполезность для дела – в природе их,
и все встречные им – прохожие.

* * *

Пилит двуручной один, что-то лопочет,
то ли молитвы, а может, и матерится.
Важно гуляет рыжий бесстыжий кочет
и не стесняется, если захочет. И злится.

Пилит сосну. Двуручной. Один. Однорукий.

– Дай помогу, – ещё раз.

– Да цыть ты! Подь в избу.

Солнышко рыжее. Злой кочет (глаз круглый).

Клюнет, поди. Хворостину потолшше выбрать.

В сенках прохладно. Попил молока с банки.

Кот сидит. Налил коту. «Пей, ката».

С кухни – вкусно – жарит драники баба.

Я их люблю. Мне хорошо. Мне три года.

* * *

«Научиться бы жить», –
думал мальчик – учился на тройки,
а вчерашние сверстники
с лёгкостью делались старше.

Ночь. Настольная лампа.
Он учит уроки.
Смотрит в звёздное небо.
Молчит. И готовится к старту.

* Печатается по версии журнала «После 12» (№1, 2001 год).

* * *

Ровесники, зачем не слышу вас?
Что ж листья слов никто не подбирает,
не клеит черепков разбитых ваз,
не чертит классиков и в бисер не играет?

Голодных нуворишей накормить
стране не хватит недр, и лес порублен,
родня, как речь родную сохранить?
Мы разучились говорить по-русски.

Не оттого ль, не ведая стыда,
бежали старшие в заморские европы,
что видели их дар – ненужный дар, –
кидались кто в стакан, кто в психотропы...

Иосиф русский, видишь ли ты нас?
Нам до тебя, как до Пекина раку.
Больна, бедна и кинуга страна,
но есть ещё: рука, перо, бумага.

И три в одном соединив, – рискнём,
впитав родное, отдаля другое...
Язык не онемееет, если в нём
настырных несторов осталась горстка,

хотя бы горстка... До поры молчат.
Но вижу свечи в окнах то и дело...
Покажутся... Пока ж горит свеча,
и чай мне в вольных дольниках подельник.

* * *

Пережду с котомкой под кустом.
Что мне до потомков, до потом?

Мне сейчас бы разобраться, здесь –
что это? – уродом меж людей.

Кто они – вершащие дела,
одноклассники – теперь какой их класс?

Коль уродство – каинова меть,
маяться ль, что так мне не суметь?

Каяться ль? Изначить душу вкривь
эвфонией эвфемичных рифм?

Петь дельца паучий путь-прогресс?
Петь Тельца и в пяльцах пальцы греть?

Нет. Сорочьих строк не сладок треск.
Мне иной – козырный – интерес.

«Медь звенящая, бряцающий кимвал...»
Месть насмешек не страшной похвал.

...запеку картошки под кустом,
не пойду попутчиком в потом.

* * *

Вечер в тайге. Густеет туман над рекой.
Лягу на тёплых камнях и закрою глаза.
Хвойная воля и голубой покой.
Это ль не счастье? Неправду поэт сказал.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Легко презирать держащих бразды,
но задумайся и – пожалеешь.
Песни цветов тише воды,
но выше травы июля.

Легко цитировать Экклезиаст,
вспоминая и глядя в завтра.
Моруаницшенский Зороастр*
перед зеркалом чистит горло.

Трудно понять стариков и детей,
загадочен старый ребёнок.
Ююбы** плывут в ночной темноте...
Красных созвездий рябина...

* Строка адресует читателя к сборнику А. Моруа «Письма незнакомке» (1956 г.). Иной вариант строки в «Не именуя» (1998 г.) обусловлен ошибкой при наборе текста.

** Ююба – китайский финик, дерево с небольшими красно-коричневыми плодами, распространенное в азиатских странах.

* * *

Как медленно падают листья,
как долго не гаснет закат,
рисуя узоры на лицах
нависших над омугом скал.

Суровые брови разломов
и мрачная трещина рта,
и пахнет смолою сосновой
предсмертная дня красота.

Индейское лето к излёту,
как жизнь, безысходно летит.
Язвительный кобчика клёкот
разрежет вечернюю тишь...

* * *

Тусклую блесну метну я
в плёс, усыпанный листвою.

Плещет щука в окнах водных,
холод осени почуяв.

В цепких пальцах голых веток
цедит лес прозрачный воздух.

Ветер месит запах тленья,
метит светом воду месяц.

Хрустнет лось сухою галькой,
тишины хрусталь разрушив.

Кряк утиный взрежет ухо.
От костра ухой запахнет.

Мглой осеннею застужен,
забираешься в палатку,

и на жёсть брезента ляжет
тяжесть одинокой ночи.

* * *

Был в любом городе посторонним,
в любой деревне был городским,
в горизонтальном флоте реки
скрывал следы круговой обороны.

Набирался сил, питался рыбой,
кедровым орехом, пчелиным мёдом,
чтобы быть собой и собою выбыть,
чтоб из ряду вон и ввысь – иноходом.

Так и дошёл до стана своих,
остановился да там и остался.
Тут и сказке начало. Молчит мой стих,
оставляя открытой скитальцев тайны.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Я вернулся в мой город из чёрной тайги,
из колючих объятий бабы-яги,
где за сопку цепляются облака
и мошка заползает в рукав.

Там под дружной пилой падает кедр,
там вгрызается драга в золото недр,
и по берегу резвистых искристых рек
не варяг, не грек – бесконвойный зек.

Видел рысь на тропе, белку в дупле.
Зеки мне приносили горячий хлеб.
И кедровой поленицы банный жар
льдом седого ручья остужал.

Что до ручьёв, то они ничьи,
харьюзовый хвост поперёк струи,
отражённое небо оживлено
в них каменистым дном

и петляньем воды, а вода – мягка,
и подолгу смывает мыло рука.
Изумрудно-янтарный варил я чай,
вскипятив серебро ключа.

Я был счастлив там. Я был часть бытия.
Я пытал Патанджали* под шум ручья.
Глядя в пламя костра, просыпалась во мне
память Юнга, что жизни длинней.

Жизнь таит в себе смерть, точно рыбу вода.
Там струится змея по медвежьим следам,
и, считая курумник в холодных белках,
растворяешься в облаках

и... оставшись живым, вспоминаешь потом,
как хрустит под незримой ногой сухостой,
понимаешь, питая огонь до утра, –
Зороастр был прав.

** Речь идёт о занятиях йогой. Патанджали – индийский учитель II века до н.э., один из основоположников философской школы йоги.*

* * *

Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится,
ко мне на окно прилетела синица
и постучала «тук-тук» в подоконник.
Я в доме один. И мне неспокойно.

Койкою пол. Простыня – перина.
Дом погасившей огни субмариной
в ночь погружается. Ночь бездонна.
Светится звёздный планктон над домом.

Ночь. Камбалиной сонаты звуки,
триоли, желтофиоли, гюлки, –
сквозь иллюминатор – минорней, тише
и глуше... и глубже... игла* ... не слышу...

* Речь идёт о звукосъёмной игле акустического проигрывателя.

* * *

Конец субботы. Мой знакомый Бог
велит мне отдыхать – я отдыхаю.
Неделею натруженный хребёт
желает к мягкому, расслабься, прислониться.
Глаза полны бездумной глубины...
А в понедельник жёсткое седло,
поводья, разрывающие губы,
и пахнувшая потом пахота.

* * *

Толстый дедушка верхом на быке, посох в руке –
оставил внуков – оставил им пять тысяч слов.
Жёлтые листья осени плывут по жёлтой реке.
Красная нить пути – через закатный склон.

Перемены нехитры, дедушка неумён, бык небыстр.
Вставшим на дедушкин путь солнце согреет спину.
Сел на быка и отбыл в направленье судьбы,
туда, где родился под деревом жёлтый принц середины.

Ниточку длишь на запад – самосский драчун и молчун,
чьи штаны хоть и старше, но всё же прочней плащаницы.

И я тоже хочу – с ними.

* * *

Ниоткуда пришедший на эту землю
и готовый уйти навсегда отсюда,
я приемлю всё, но лишь небу внемлю,
потому что я знаю, что я там буду.

* * *

*Только море способно взглянуть
в лицо небу.*

Иосиф Бродский

Я на коне не скакал ни разу.
Не водил мотоцикла, автомобиля.
И, хотя были приятны глазу
горы, – не с теми, кто восходил, я.

И только реки меня носили,
нам по пути: сверху вниз стекали.
Уж сколько силы у рек России –
а вниз, что поделать – судьба такая.

Кому-то кони, автомобили,
кому-то горные эмпиреи,
кому-то счастливое: «Жили-были...»

А мне бы морем стать поскорее.

* * *

Я знаю, что слово умеет бить.
Я хотел бы сделать из слов чугунную бабу.
Передолбить чугунные лбы до последнего лба бы,
долбить, пока в моде чугун и последние лбы.

Я знаю – слово умеет петь.
Я хочу из слов сделать первую песню –
ту, что все услышат. Чтоб всё успеть,
я спешу успеть. Ну, а нет – воскресну.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

За практику смертей и воскресений
пора тебя, мой Бог, благодарить,
за то, что подарил мне алгоритм:
в осенний день предвосхищать весенний.

За море поглощающей любви,
в котором я тонул неоднократно,
за песни соловья, что по утрам пел
нам соловей; синиц, что не ловил,

и журавлей, пленительно красивых.
За то, что отпуская журавлей;
за то, что притяжение к земле
ты сделал для меня не слишком сильным.

За практику смертей и воскресений
пора тебя, мой Бог, благодарить.
И более всего – за мощь рифм,
равняющих «осенний» и «весенний».

ДО ТЕМНОТЫ

Осенью красные козыри
озеро ласково бьют.
В этом краю берёзовом
прост и суров уют.

Пахнет сухою осокою
тонко и хорошо.
Солнце уже невысокое.
Сентябрь к концу подошёл.

Вечер. Туманные сумерки.
Веет севером ветер.
Но всё же ещё не умерли
кузнечики в млечной траве.

Щука уже сготовилась.
Люблю, грешным делом, хоть гой.
Собеседника, стопочку б
да доску для шашечек го.

Всё сильнее темняется.
Надо проверить сеть.
Да дрова вот кончаются.
Собрать бы успеть

до темноты.

* * *

Время пошло по девятому кругу.
Ветер на ЛЭПовских струнах грустных
что-то играет очень по-русски.
Вечер осенний, поле, костёр.
Воздух хрустальный. Земля сухая.
Волн ковыля вокруг колыханье.
В овраге родник говорит стихами
ни о чём или же обо всём.

То ли кузнечики, то ли цикады.
За апельсином заката цукаты
звёзд, что слушают пиццикато
ветра: и до-ре-ми-ля...
Луна, что сегодня полна собою,
не прячет в тучах лицо рябое
и льёт обильное голубое
в серебро ковыля.

А ты, обжигая картошкой руки,
хихикаешь мне о каком-то друге,
о том, что он носит в обтяжку брюки –
ну, как балерон какой.
Смотрю и слушаю. Соображаю,
что ты мне, пожалуй, уже чужая,
не ощущаю ни боль, ни жалость,
облечённый в покой

бабьего лета, лунного света...
И, от сучка прикурив сигарету,
чуть улыбаюсь верным приметам
вечности красоты,
что больше и старше земли и неба.
Короткое русское слово «лепо» –
душевная калька, сердечный слепок,
и нет «и» меж Я и Ты.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Поцеловать: «Гуд найт, ма шер»,
ослабить пояс у шлафрока,
сесть в кресло и включить торшер,
и углубиться в «Будденброков».

А поутру – китайский чай,
к нему французская багетка.
«Гуд бай, ма шер!» – не то – «Прощай,
я с Башлачёвым на разведку!»

Вернуться со щитом. Уйти
в запой и выйти в одиночку.
Прийти домой и в нём найти
чужого мужика и дочку.

Он скажет: «Сорри, камарад!»
Она тебе: «Фак ю, амиго!»
А ты: «Бывайте, мне пора
в разведчики лотов Пальмиры».*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Когда запоёт Орфей,
Сизиф присядет на камень,
Тантал забудет о жажде,
Данаиды о бочках, –
отверзнется всяка дверь,
отыщется – что искали,
и все узнают однажды,
что называть Любовью.

Кончится время выюг,
и каюк – Юге Кали.
Детка, не будет боле
боли, ни стигм, ни вав...
Вот это и есть, мой друг,
то, чем тебя запугали
в первоначальной школе,
Страшным Судом назвав.

* * *

В чём смысл жизни – не очень сложный вопрос.
Ухаживать за могилами предков, растить детей,
умножать, складывать, просто хранить добро,
что осталось в наследство и сам осветил в темноте,

готовить ужин на всю семью плюс одного
всегда возможного странника, что заглянет на свет,
и если нет веры, учиться верить в Него.

В тот самый жизненный смысл, которого нет.*

* Текст стихотворения разбит на предложения иначе, чем в авторском варианте.

* * *

Тот, кто любит, тот не любим,
тот, кого любят, любить не может...
Чем мать нежнее, тем строже сын,
чем ласковой дочь, тем отец строже.

Где плюс, там минус. Ноль – результат.
Кто верит свято, отвержен Богом.
И мне понятно, почему так
людей несчастливых на свете много.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Я на счастье бью тарелки,
а его в помине нету.
Счастье – это лотерея,
я опять не угадал.

Я хожу-брожу по свету,
брагу пью я и дурею.
Что я мог и что имею
к двадцати пяти годам?

У меня дыра в кармане,
у меня душа в заплатках.
Нету истины в стакане –
я искал и не нашёл.

Я уже не строю планов:
знаю – жизнь опять обманет.
Знаю, что уже не станет
ни легко, ни хорошо.

* * *

Он всё писал – прелюдии, вступления,
всё разминался, всё себя готовил
к тому, чтобы сказать с достойной силой
слова добра и красоты и правды.

А в это время тикали часы,
и умирали люди, и рождались
иные песни, мысли, имена.
Роняло небо листья, снег и солнце.

Он соль земли выпаривал в реторте,
но без осадка возгонялась жизнь.
И, наконец, он понял то, что многим
уже давно знакомо было раньше,

и он покинул Ясную Поляну.

* * *

1

Осень. Окончанье октября.
Кажется, последний день без снега.
Злым щенком чернеет небо неба,
и в рубин – закатная заря.

Сытые и тучные стада
неовец навеивает вечер.
Севереет. Я сажу у речки,
и глотает камушки вода.

2

Со строгостью монастыря
лес убран: беден и прекрасен.
В осиновом иконостасе
краснеют стигмы октября.

Неслышное моё «прости».
Всем. Одному. Одной. И небу
мой внятен стих. И горя нету,
и горсточка рябин в горсти.

3

Октябрь. Позавчера Покров,
а снега с неба не упало,
и рябчик слизывал по капле
рябиновую кровь.

Тепло. По-летнему тепло.
Лес – словно терем после вора.
Стекло реки под небосводом
до льда недалежного текло...

Гляделись в реку синева
и красным писанные листья.
Октябрь. Бабья осень. Тишина.

Уже дописана глава.
Чернильные следы на лицах
грядущих туч. И бабья осень сочтена.

Но мы последние деньки
досмотрим солнечного света.
Октябрь неожиданно красив...

Костры у розовой реки,
и вялятся на голых ветках
червонные тугие караси.

5

Лезвие дождя наискосок
полоснуло холодом по горлу.
Осень польхнула по пригорку,
догорает под дождём лесок.

Олово реки – виолончель.
В перекатах льдистым пиццикато
катится, царапая о камень
амальгамой солнечной, ручей.

Холодно в болотных сапогах...
Обжигает, убегая, леска...
Из-за мрачно-тучной занавески –
первый снег... И к ноябрю – снега.

* * *

Н. Н.

Замёрзшие гитарные смычки
дыханием души отогревая,
она стоит под звёздами, и ночь
внимательна, ночь предвкушает Голос.

Холодная сибирская река,
приток Оби, а значит, Ледовитый
дождётся песни на пластинке льда.

Она поёт...
Нет, не поёт – колдует...
Покоя нет, и это-то и в кайф.
За бабьим летом наступает снег.

Она поёт, колдует, голосит,
и по реке уходит в небеса
пугливый призрак лошади крылатой...

* * *

Время сыплет песок и течёт рекой.
Все – сказуемо! С этого стоит начать.
И продолжить молчанием и строкой,
точной, как точка. Вместить в сейчас.

Скрипи, перо, и скрепляй слова –
чернильные сгустки в бумаги лист.
Слово, которое было сперва,
магию длить велит.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2017 году
(в промобуке к данному изданию).

В КРАЮ АПОСТОЛЬСТВА

АПОСТОЛ «ЗДЕСЬ-НЕБЫТИЯ»

Я здесь был хронически счастлив...

Руслан Сидоров

Абрамцево, Мураново, Шахматово, Константиново... Калачёво. В «краю апостольства», земную жизнь пройдя «уже до сколько», Руслан оказался по собственной воле. «Недоучившийся учитель» должен был доучиться, понять – как превратить городского пацана и отчаянного гуляку-рифмоплёта в подлинного служителя Слова – большого русского поэта. Понять и превратить.

А без чего немислим большой русский поэт? Без ветхого родового гнезда с пыльными томами библиотеки и тенистым садом, без томно вздыхающего по осени березняка и «заросшего рогозом» озера, без вечно живой и потому архаичной деревни – с дымами, заборами, банями, румяными девками «на выдан» и трудным, но таким близким, неизживаемым крестьянским бытом.

Здесь – в старинном селе на краю Салаирской тайги, на смысловом перекрёстке, где проходили древней Калмыцкой дорогой в забытые ханские ставки гружёные караваны верблюдов, где тянули возы с Сухаринской рудой клячи алтайских заводов, где рубились в честном бою с казаками татарские рати, где проезжал «плохо писавший хорошие вещи»* будущий мировой классик, – поэт обрёл Слово, а слово обрело своего Поэта.

Именно Калачёво сотворило из Руслана литературу, научило его перерасти былого себя. Его лавкой и партой стал старинный усадебный дом со сводчатыми высокими потолками, латунью дутых дверных ручек в светлице, разлапистым клёном у ворот. Дом – свидетель той, старой России – России Аксаковых, Тютчевых, Блоков, Есениных... Свидетель революции, коллективизации, дом, побы-

вавший и коммуналкой и школой. Спустя годы Руслан отдал за него жизнь – земную жизнь. В собеседники и соседи он избрал «жреца языка» Бродского, «Марину, Анну, Юнну», Рыжего и Мандельштама, Клюева и Чичибабина. А садом...

...садом служили окрестные леса и луговины, прозрачные, напитанные светом колки, топкие глинистые берега прудов и речушек. На этих берегах, надёжно укрытый от суеты мира, с удочкой и карандашом за ухом, он рифмовал «на предбанник – любовь» без всякого пиетета к «толстым» столичным журналам. Участь безмолвной и чистой любви у красавиц-берёз, палитры закатного неба, фиолетовых хрустальнокрылых летуний и проплывающих по воде пятипалых оранжевых листьев, – он облакал их в слова, освобождая от формы, укладывал на листок как кирпичики личного и ещё небывалого – нового мира...

Поэт жив Словом, а Слово творит миры. Но природа – глядят нам учебники – пустоты не приемлет. Пустоты нет. Места новому нет, пока не отойдёт прежнее. Лишь достигнув «здесь-небытия», как «абсолютного и вопиющего» отрицания бренных ценностей неосмысленного существования, и можно создать свою Ойкумену, личную поэтическую Вселенную. Засучив рукава и затянув пояс шлафрока, вооружась чаем и чанем, готовый ко всему, как «вчерашние пионеры» советской страны, Руслан превращал жизнь в стихи и себя – в Поэта.

В полноте описать жизнь Словом – есть бессмертие. Собеседники учили Руслана бессмертию. Берёзы – учили бессмертию. Закаты – учили бессмертию. Крикнешь над плёсом: «Броций!.. Горадский!» – «Бессмертье!» – ответит страдалица нимфа**. Лишь превратив себя в Слово и раздав его людям, можно жить вечно. Жить в тысячах жизней и значит – жить вечно. Быть свободным от смерти. Быть свободным. А не это ли – быть Поэтом?

Калачёво... В «краю апостольства», земную жизнь пройдя «уже до сколько», Руслан оказался по собственной воле. «Недо-

учившийся учитель» доучился, понял как превратить городского пацана и отчаянного гуляку-рифмоплёта в подлинного служителя Слова – большого русского поэта. Понял и превратил.

Сергей Ерофеев

* Человеком, писавшим плохо хорошие вещи, Руслан на авторском вечере в Новокузнецке охарактеризовал Ф.М. Достоевского (12 января 1999 года).

** Речь идет о нимфе Эхо – персонаже древнегреческого мифа.

* * *

Прояснилось. Снег прошёл. Хорошо.
Даже серость заблестела, искрясь.
Уходящим для лететь – посошок.
Восвояси возвращается князь.

Там пенаты его помнят и ждут.
Жив диван, где пацаном ночевал.
Там пылится позабытый ввиду
окончания школы школьный пенал.

Почти двадцать лет – ожоговый стаж:
перемены этажей, жён, зарплат.
Вёрст достаточно, и станем верстать
опыт пата на посту ремесла.

Занавесим окна тяжестью штор,
променяем телевизор на штоф.
И пусть даже deja vu, ну и что?
Позабудем про вчера для потом.

Прояснилось. Опустев, облака
по эмали бледной сини скользят.
И нельзя уже вернуться никак
к чему было. Хорошо, что нельзя.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2019 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Идѣшь, собачий лай миную.
В лицо кусается зима.
И одесную, и ошую –
одноочитые дома.

Темно. И вкусно пахнет снегом,
негородским и молодым.
Из труб, искрясь, уходит в небо,
как детство, первобытный дым.

Днём скудно. Ночью слух и запах
славянофильствуют, служба
воображению, и запад
зарезан месяцем ножа.

Земля Сибири – не Рассея,
но небо общее, прикинь! –
ведь это Клюев и Есенин
швыряют с Млечного «снежки».

Попали. Воротник от снега
отряхиваю и, смешок
в душе упрятавши, «снежок»,
как детство, возвращаю в небо.

* * *

Хочу, чтобы – лето сейчас
и столик в саду – меж сиреней,
и ты бы варила варенье,
а я бы заваривал чай.

И пчёлка б жужжала пускай
над чашкою розовых пенек,
а в небе уже постепенно
пунцовил закат облака,

коровы бы шли по домам
с парною и вкусною ношею...
Чего бы ещё-то хорошего?
А нечего больше.

Зима.*

* Стихотворение разбито на строфы.

МАРТ

Хмелеет юным мартом голова.
Хоть пасмурно, но трепетно и нежно.
Уже весна вошла в свои права,
и тёплый ветер ласковый прилежно

льда вертикаль доводит до слезы,
наискосок летящей, несолёной...
Нам заново разучивать азы
науки лёгкой и земной: влюблённость,

где так легко экзамены сдавать –
неподготовленным, безумным, бесшабашным...
Хмелеет юным мартом голова,
и тянется к бумаге карандашик.*

* Стихотворение разбито на строфы. Первая официальная публикация состоялась в 2019 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Нас пустила бабушка на постой.
Разложила парами по углам.
Сколько лет прошло? Тридцать? Сто?
Я не помню. Но помню, что – тыбыла.

Тыбыла – это слово. Его создав,
Творец увидел, что – хорошо.
Тыбыла – в сене. Тыбыла – звезда.
В косном горле комом застрял стишок.

Не люблю эпитетов: тыбыла.
Сущим существительным: тыбыла.
Наречённой собственной: тыбыла.
Я имею право иметь крыла.

* * *

Телесен вечер тесных тёплых встреч
скворцов с землёй, земли с зерном и небом.
И ласкова вокруг родная речь,
и хлебный квас – кислинкою по небу,

и всё... «И всё? Ради такого жить?»
«А разве мало?» – и ладонь на губы...
Багрово-красной нитью вечер шит
так... нежно... нежно-нежно... нежно-грубо...

* * *

Апрельский день – прозрачный и высокий.
Льют льдинки золотые бубенцы.
И небо – нарисованное солнцем.
И небом – нарисованы скворцы.

Два чуда в перьях, в переливах, в пенье,
и тенькает по луночкам вода...
И то ли ток, гудящий в проводах,
а то ли так – крови сердцебиенье.

И все поют о чём-то в том же роде –
о чём вчера, о чём и я пою:
о главном – о любви и о погоде,
о том, что так прекрасен их союз.

* * *

Небо, нарисованное кошкой.
Месяц май. Деревней пахнет лес.
В тишь играет за рекой гармошка –
рассказать про счастье на Земле.

По ночам уставшая природа
шебуршит, шевелится, жужжит,
и земля, устав от хлеборобов,
мягкая и влажная лежит.

Отдыхает глаз от злобы света
в камышах, чернеющих в росе,
где с икрой играют до рассвета
свадебные пары карасей.

И простая истина забьётся
рыбой на невидимой лесе –
надо верить. Всё опять вернётся.
Всё вернётся, и вернутся все.

* * *

Сирень сизокрыла, и семь голубей –
как крупные гроздья под ней понарошку –
щекотно клевали от булочки крошки
с ладони моей и ладошки твоей –

с той розовой, ласковой, узкой ладошки,
которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
особенно если живёшь однова.

Тебе было только шестнадцать тогда:
недетская женственность, опытность крови.
И ночь, разметавши, срывала покровы,
и снова взрывалась сверхновой звезда.

Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь –
лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
бракованных лет, обручённых слезой.

Сирень сизокрыла, и семь голубей
щекотно склевали от булочки крошки,
и плыли по лету в плену тополей
в ладони – ладонь.

Нет – в ладони ладошка.

* * *

Дружить с цветами, кошками... Любить
прохладу неглубокого распада,
где родничок, свой срок в нутре избыв,
рождается на свет без боли схваток...

Быть равным птице, что гнездо совет
старательно, ненадолго, и дальше
по жизни продолжает свой полёт,
не памятуя то, что покидает...

Подолгу глядя в реку и в огонь,
в текучесть – первообраз постоянства,
немного догадаться о Другой,
и ничего большого не бояться.

* * *

Импрессия сирени. Утро. Сад
весь в кляксах фиолетовых. И солнце
заполнило собою небеса,
рассеявшись сквозь синие высоты.

Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуны – за нектаром.
Вечногундосый толстячок шмелёк
взыскует истины на донце стеклотары.

Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреневой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.

Пусть спеет утро, наливаясь днём,
шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
мир посетивший, чтобы спеть о нём.

БЕЗ УМА

Я лягу на солнце и буду лежать
и слушать, как травы от ветра дрожат,
как жар остужать будет ветер.

Я глаз не открою, услышу и так,
что это кузнечик чирикает в такт
шуршанию крови по вене

травы луговой и Земли круговой
и сродственной той голубой локтевой,
возвратной к рабочему сердцу.

Услышу, как вянет на солнце трава,
и ветер навеет простые слова –
что смерть пахнет клеверным сенцем...

Что песня кузнечика – солнечный туш
и нежному клеверу – траурный марш.

Бессмертно и ветрено пение душ.
И горя мне нет без ума.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

В краю апостольства задумчивых берёз,
у озера, поросшего рогозом,
глазеть на фиолетовых стрекоз
и поплавок. И ничего другого

не замечать в рассветный час. Часы
оставлены в оставленной квартире.
Здесь – запах ряски. Поплавок косым...
Подсечка... оба-на! – почти четыре

десятка «поросятков» карасей
легло в ведро. Ну и довольно, братцы.
И – босиком по розовой росе –
идет босяк, насвистывая Брамса.

Как хорошо перенестись назад
в четырнадцатилетие и лето,
вновь пережить блаженство и азарт
и записать, как пережил всё это.*

* Стихотворение разбито на строфы.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

(Разговаривая сам с собой)

Раз и два, и три, четыре, пять.
Заяц возвращается с прогулки.
Ходят кони над рекою. В гулком
предночном подлунные летят...

– Кто летит? – Допустим, комары...
или птицы. – Птицы?.. тоже можно.
Новолунье – щедрою лимонной.
Пёс, зевая возле конуры,

чесет ухо третьёю ногой.
– Третья нога? Ты чё, Боб Марли?
– Подожди...

Вечёрошний надой
в банке трёхлитровой и под марлей.

– Слушай, с чашелистиками? – Без.
Пять минут – на перебрать малину.
С молоком хлебать. Тепло. Лениво.
И чуть-чуть лимонно от небес.

ОДА ДАЧЕ

Июльским утром выйдешь на крыльцо.
Хоть солнце рыже, но еще свежо, и
искрится диамантовой росой
смарагдом густо-налитый крыжовник.

На босу ногу кеды и – бегом
под лай собак соседских до обрыва,
где омут с родниковым кипятком
смывает сон и делает счастливым.

И – в плеск до плёса, где тепла вода,
и буйство крови в мускулах упругих,
и крошат реку кролем крылья-руки,
и нету сил со счастьем совладать.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

*Станешь ты Осирисом иль Хором,
Бастет, или Хнумом, или Птахом.*

Евгений Рейн

Птахи утром песни распевают,
молят быть Осирисы и Хнумы...
Я ведь ничего про них не знаю,
про богов, поэтому угрюмый.

Мне не нужно грамот Шампольона,
мне бы: щебет, свисты, переливы.
Быть как Птах: божественно-влюбленным,
или Хор: божественно-счастливым.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Бывает время штиля,
и хорошо под солнцем,
коричневая стильно,
нырять, купаться, сохнуть,
жить в чистом Чевенгуре,
большом и одноместном,
на птах смотреть, авгурить
в молчании немецком.

Бывает время ветра,
секущих капель, или
бурана без просвета
и света, что бессилён.
И хорошо у печки
хлепать чаёк с малиной,
лабая в ритм словечки
в молчанье молчаливом.

Бывает время – лажа.
Погода ни при чём тут.
Блестит на солнце сажа
иль снег, от сажи чёрный.
Бывает – скрипнут зубы,
и желваки – навькат...
В ухмылке плотной – губы,
к молчанию привыкнув.*

* Стихотворение разбито на строфы. Первая официальная публикация состоялась в 2019 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Можно стать тише, тише, ещё потише –
шёпотом пыльной травы, листвы, ты слышишь?

Это ж июль. Жара. Солнце льётся, льётся.
Разве что два ведра, выгашенных с колодца,

вынудят вскрикнуть. Но вновь наступает тихо.
Точно в немом кино: блёсткая гладь, пловчиха,

ива, носки, трусы, взвешенные на ветках,
тапочки, в них часы и ключи. И ветра

можно прождать всю жизнь. Леня доходить до глади.
Перевернись. Лежи. Подушкой – лист тетради.

* * *

В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь.
Река – бежит. Тайга – стоит. Погода –
безоблачна. Безлюдно. Ни души.
Бесчеловечно царствует природа.

Здесь ты – весёлый раб. Ты червь песка.
Малёк воды. Молекула блаженства.
Сознания беззвучность. Из движенья –
лишь жилка голубая вкривь виска.
Лишь крылышки дневного мотылька.

* * *

Истоптавши столько башмаков,
лопотать божественную чушь
я учусь у мелких мотыльков,
возжигающих собой свечу,
дожидаясь третьего звонка,
заключённый временем в пространство...

Не у Бога, а у мотылька –
к самовозгоранию постоянство.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в авторском варианте. Первая официальная публикация состоялась в 2019 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

По синему лугу сквозь млечный туман
чернела тропа до пруда,
где Таня сводила соседа с ума,
купаясь одна без стыда.

Взлетала уклейка над лунной водой,
вздыхал краснотал в небеса.
Не свёрстано сено в стога за прудом,
и клевером пахнет коса.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Милые лилии белые,
молочное тёплое озеро,
красные переспелые
земляники в озелени,

белых берёз становище
розовеем тумана обнято,
и никак не привыкнешь к новому:
поутру просыпаться в облаке.

Выслушать песню иволги,
выпить таволги воздуха,
позабыть некрасивое.
Плыть озером.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Солнечное масло облаков
мажет акварель небесной сини.
Воздух густ, и ветер обессилел.
Озеро – парное молоко.

Низовой, тягучий мык быка.
Выстрелы бича. Жужжанье мухи.
Муравей субботний тащит мусор.
Гул товарняка издалека.

Лень, июль, каникулы, жара,
треуголка из газеты «Уголь».
Жаркие находчивые губы –
всё знакомо: родинка и шрам.

Сколько лет... Когда это и с кем –
кто-нибудь, небось, себя узнает:
был родник, вода была вкусна, и
губы их встретались в роднике.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2019 году
(в промобуке к данному изданию).

ИЮЛЬ

На даче. Лето. А.П.Чехов.
Всё точно, как сто лет назад.
И городскому здесь помехой
ограда, огород и сад.

И ловят бабочек детишки,
и загорают три сестры,
мужчины раздают картишки
и чертят «пулю» для игры.

Грибами жареными пахнет
укропом окроплённый пар.
К столу! По сто. Заесть. Упали
все беды прошлого, пропав

там, за высокими горами,
там, за глубокими долами.
А здесь рыбалка по утрам и
здесь никаких проблем с делами.

Вот так мечтается порою
ночной бессонною порою
и так захочется, не скрою,
чтоб кто-нибудь...

Нет, чтобы ты...

ДЕЖА ВЮ

Там, где в траве лежал велосипед, –
скамейка: два пенька, доска меж ними...
где паровоз классический сипел
и проносился мимо в млечном дыме,

где сросся со скворешней старый клён,
опавший осенью, поздней – заледенелый,
где думал, что влюблён (и был влюблён),
где снег ложился белый, белый-белый...

Там всё по-прежнему: лежит велосипед,
под клёном двое мнутя неумело,
скворешни с паровозом только нет,
и белый-белый снег – небелый.*

* Стихотворение разбито на строфы и предложения.

* * *

Как повеет под вечер полынью духмяной,
остывая от ржавой жары,
синий вечер от речки и перечной мяты,
под сурдинку нудят комары.

Хорошо, босиком огородной тропинкой
(полотенце и веник с собой)
пробираясь к соседке, чтоб баньку стопила,
рифмовать на предбанник любовь.

Будет ночь (самогон и с прослойками сало,
малосольные огурцы)
нежным словом не больно до сердца касаться,
как ромашкой к подошвам босым.

СЕЛЬСКИЙ ДЗЕН

Курится, жмурится, спит на ходу, т.е. стоя
столик под яблоней, пчёлка нестрашно гудит.
Я и Судзуки*, пиала с пахучим настоем,
котёнок, глядящий на бабочку, в общем, – буддизм.

Город – вонючий – плевать мне, что непоэтично.
«Лучше там, где нас нет» – то, что это враньё,
сидя на яблоне, спела мне только что птичка,
и самовар на веранде об этом поёт.

Утром ходил на рыбалку, а днём за грибами.
С грибами – облом, а карасей наловил.
Соседская Таня на ужин нажарит в сметане –
будет прилично, и повод зайти для любви.

Коровы бредут по домам, утомлённые солнцем.
Вечернее вымя символизирует жизнь.
Природа буддизма – природа. Все мы спасёмся.
Я просто сижу, а Судзуки – просто лежит.

Ранние сумерки с баннным дымком и смородиной.
Чую: у Тани в сметане скворчат караси.
Встать и идти огородами маленькой родины.
С Родиной мне повезло: подгадал – на Руси.

* Речь, видимо, идет о книге Дайсэцу Судзуки – японского буддолога, популяризатора философии дзен-буддизма.

* * *

Ах, зачем слишком громко стрекозы шуршат в камышах.
Мандельштам про стрекоз рассказал – испугалась душа.

Лучше, твёрдых кузнечиков стрёкот заслышав, узнать,
что ещё засидишься не раз у реки допоздна.

Лучше листьев травы только ласточки и небеса
научают живых – неживых различать голоса.

Приучают в молчании слышать неслышимость лишь
потайных небес и сердечную здешность земли.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Начав повторяться, – понимаешь: пора
бросить перо. Заняться дельным делом с утра,
например – ловлей бабочек, перечитай сперва
русского дворянина, игравшего так в слова,
что его скраблы – перлы английского языка,
только пикап без денег – это как в дурака
без козырей – шансов сырых – зеро.
Так что кончай повторяться и подыми перо.

* * *

Звуки «Французской сюиты»
Себастиана Баха
посередине деревни,
среди ископаемого картофеля
настолько сюрреалистичны,
что думаешь о прибабахах,
о происках Женщины в Белом
по прихоти Мефистофеля.

Но Бах не кончается: мучайся...
клавир хорошо темперирован,
полифония органа
меняется с фортепиано,
и, поднятый этой музыкой,
летишь, из контекста вырванный,
вслед лету, из леса ушедшему,
за Бахом Себастианом.

* * *

Отдыхаю в деревне, варю картошку
да вдыхаю озон с табаком вперемешку.
Забываю город, работу, более
того, я забыл про горе.
Каждым утром по лесу бегаю кроссом.
Пахнет августом, армией и берёзой.
Без будильника точный подъём в полшестого.
Идут на выпас коровы

и мычат, и чешут бока об заборы,
и хозяйки кладут хворостины с прибором.
А в тумане – знаешь, как голос гулок...
Подъём. Ровно в шесть – бегу я.
У меня под участком течёт речушка,
и как только из лесу возвращусь я –
два ведра на грудь, в самом лучшем смысле, –
разом усталость смыли.

И такой мажор, будто это – счастье.
Заварю покрепче и выпью чая.
И такая вкусная первая «Прима» –
даже не знаю прямо...
Денег нет, но нет и проблем, что покушать:
в огороде растёт любая петрушка.
Сигарет и чаю привёз бессчётно,
книги есть, а чего ещё-то?

А потом мне расскажет своё Бертран Рассел.
Мы уже добрались с ним до Мора с Эразмом.
Сам себе удивляюсь: мне всё понятно,
чернеют белые пятна.

А когда стемнеет, курю на крылечке,
наблюдаю звёзды сквозь дыма колечки.
Подойдёт овчарка, щёку полижет
и рухнет ко мне поближе.
Одиночество, знать, и собакам знакомо.
Мы вдвоём, прижавшись, молчим о ком-то.
Или ни о ком, просто так молчим мы.
Чистое небо лучисто...

* * *

Как небо глубоко и как голубооко.
Как локон облака растрёпан, одинокий.
В высоком голубом – знакомый голубь.
Он дорог глазу до слезы, до спазма.
В такие дни легко пустует память,
и даже глупость нет ума подумать,
но только пить глазами это небо,
что глубоко и в ночь голубооко.

* * *

Я здесь был хронически счастлив,
в себя уходил далеко...
С корзинкой грибов возвращаясь,
холодное пил молоко.

В предбаннике жил я. За стенкой –
чистилище – пламенный рай.
Ночами я вкусные пенки
с премудрых страниц собирал.

Количество суток в молчанье
на качество жизни души
я здесь перевёл, я был счастлив –
весёлые вирши вершил.

Кадила ботва огородов:
дым сладок, и горек, и сиз.
Я был ежедневно свободен,
как мало кто был на Руси.

За берег закинулось солнце,
а в бане берёзы зажглись...
Умыться созвездьем – высоты
на розововодье легли.

* * *

Я не видел Альп и Гималаев,
Каракум не видел и Сахары.
Под окном моя цепная лает –
просит белый сахарный сухарик.

За оградой банька с огородом,
под которым пряткая речушка.
Не гулял я Римом благородным
и французской кухни не расчухал.

Не купался в Средиземном море,
слышал звон: Гавайи и Багамы.
Червячка сморивши «Беломором»,
научался нищим жить богато.

Для чего так жить? – Ответа нету.
Книжный шкаф – Вергилий и Сусанин –
в ночь ведёт меня по белу свету
и от света чёрного спасает.

* * *

У подорожника – чёрный стержень.
Что это значит? – что время вышло,
что у реки закалился стрежень,
что по ночам больше звёзд под крышей...

Значит, что август камзол примерил:
впору пришёлся, нашёл красивым, –
дело за золотом позумента
злато-червонным, за жёлто-синей

поверху оторочкой. Франту
щедро дано выбирать в витринах:
леса сияющие караты
рос в паутинах, звёзд в паутинах...

Лето прошло. Начинался август,
месяц груздей – точно мысли – чёрных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Л...» – результат зачёркнут...

Вот прилетают скворцы – всё видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинем свитер.
...Тот результат был неравен с нами.

* * *

Листва уже желала желтизны, –
к началу августа ей надоело лето:
легонько лечь, уснуть и видеть сны
про яблоки... Мне так понятно это.

И листья тоже люди – оглянись –
есть жадные за жизнь, а есть ленивцы,
есть беглецы... шёл зеркалом среди них:
в меня смотрелись золотые лица.

* * *

Чёрный платочек в красный горошек
да с золотыми кистями по краю...
Ты говорила: «Ты мой хороший», –
и янтарями глаза разгорались.
Долгие зори, кипевшие бурно
в пене черёмухи, в неге сладчайшей...
Ты говорила: «Ты позабудешь...», –
в зелень заката глядя печально.
Жизнь раскидала карты не в масть мне:
нервом истончен, сердцем источен...

Бог милосерд, и приснился мне мальчик –
приобнимает плечо под платочком.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2019 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Восстань посредине чернухи,
к стеклу с амальгамой шагни,
широко от уха до уха
назло всем смертям улыбнись.

И где пресловутое жало?
Жить можно, пока на верхах
прощают за глупость и шалость
и не воздают по грехам.*

Жить можно, покуда насущный
зелёный крепчайший чаёк –
Вергилий по смыслам и сути,
и муза по жизни поёт.

Жить можно с улыбкой – хотя бы
затем, чтобы смерти назло
хрустально-червонный сентябрь
тебе улыбался светло.

Чтоб летом и тёплым, и бабьим
в лесу на коленях стоять,
молиться с ножом пред грибами,
размеренным плейерным Бахом
грибам улыбаться, дышать,

вдыхать уворованный воздух
на выдохе с рифмой простой.
Жить можно, покуда не поздно
и счастье пустить на постой.

Проститься с дурной полосой,
с разумною встретиться вдруг.
Зелёным китайским настоем
приветствовать свет поутру.

Жить можно, а значит – жить буду.
Забудем плохое. В душе
мы с вами... Хорошие люди
простят нас. Простили уже.**

* Строфа представляет собой аллюзию на Первое послание к Коринфянам (15:55-57), однако апостол Павел рассуждает о смерти и грехе в совершенно ином контексте.

** Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2019 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Бывает так, что – жгучая тоска.
Слова, слова... А мысль? А мысли нету.
Слова, слова – достоинство поэта,
но вот ещё бы знать наверняка
какую-нибудь мысль. Да поэтично
преподнести. Ломается строка,
и непонятно – принц ты или нищий.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2019 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Тихо. В речку плюхается жаба,
будто камень падает с горы.
Вдалеке бензопила визжала
да заглохла. Тихо. Комары

кончились. Сентябрь к середине.
Положив под попу «Новый мир»,
целый день Алёнушкой сидит здесь
altra ego, Муза, mon amie,*

сентябрист, далёкий от народа...
К норду – безмоторный тихий флот:
узкие ивовые пироги
и кленовый флагман – красный плот.

На лету влюбляются стрекозы
(значит, нету никакой зимы?!)
Тихо. Слышен шёпот тростниковый,
ни о чём не навевая мысль.

Тише. Дело к вечеру. По жанру
холодает, и луна возшла.
Изо рта невозмутимой жабы –
две слюды, два неба, два крыла.**

* Строка адресует читателя к эссе И. Бродского «Altra Ego» (1990 г.)

** Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2019 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Корова чешет шею о пихту:
башка в репьях, болтается болтало.
Вот гуси у ручья загоготали.
Взошло светило. Осветило ту –

ту сторону реки, чей берег скальный
порос жёлто-зелёною тайгой.
Как здорово жить снова, жить другой,
здоровой жизнью: утром с мужиками,

что скупы на слова, пить чёрный чай,
что скулы сводит, возводить стропила,
шкурить стволы и ощущать, как сила
любви к Живому крепнет, что ни час...

Окликнет кто-нибудь: «Эй, слышь, мужик,
подай топор!» – дурачки загордишься.
И вот уже не нужно теодиций.
Чтоб просто жить, жить нужно просто. Жить.*

* Стихотворение разбито на строфы. Первая строка второй строфы исправлена с целью предотвращения сбоя ритма.

* * *

Живу в предбаннике, меж книжек. Жизнь – по мне.
При мне топчан, со мною чай и чайник,
и по ночам царапины спине
на память дарит веник, измочалась

во исступлении. И наступает сон,
в нём – пережитый день: берёзы, грузди
и облака, летящие в воде,
на север убегающей. Сны в руку.

Покуда не замёрз ещё сентябрь...
Ещё фортуны виден полупрофиль...
И бабочка лимонная в гостях
на баночке с повидлом и напротив.

ДУША ГУЛЯЕТ

Косое солнце в утреннем лесу,
играют в краски радужные листья.
Вновь напоказ выносит на весу
рябина несгораемые кисти.

С пригорка в лог спускается туман,
не устояв пред наступленьем света.
В субботу – осень. Через день – зима.
Но пятница сегодня – бабье лето.

И ни о чём не хочется просить,
настолько всё дано сиюминутно,
но, Боже мой, как дьявольски красив
твой чёрный груздь под росным перламутром!

И мухоморов красные цветы –
в Валгаллу приглашающие двери.
Как просто быть счастливым, если ты
не просишь, не надеешься, не веришь,

а просто в осень мимо суеты
идёшь без грусти. Грузди приземляют.
Коленопреклонён телесно ты.
Душа гуляет.

* * *

Краплёный красной краской лес:
осенний лист с осиным свистом
с осины, с ветки, золотистый
сорвётся и прильнёт к земле.

Как славно в раннем сентябре
по полусонному полесью
под солью солнца в поднебесье
идти, шуршать листвою, добреть,

прозреть, простить и проще стать.
Да, как природа, опроститься.
Читать небесные страницы
и листья липкие листать.

* * *

Длинный прозрачный сентябрь
греет кленовые бубны.
Что-то, наверное, будет.
Что-нибудь будет. Хотя бы

вечер. Губная гармошка
барда, слепца-инвалида,
растормошит понемножку
душу, – и та разболится

сладкой пугающей грустью,
сущностью бабьего лета,
что так предсмертно и лепо,
что так твоё и по-русски.

Грусть, о дословно-заочном
слепо-немые догадки...
Вот потому между строчек –
белых пробелов оградки.

Это об этом гармошка
знает, поёт, но боится,
что хоть кому-то поможет,
тайной проговорится.*

* Стихотворение разбито на строфы. Первая официальная публикация состоялась в 2019 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Я вспомнил: мне снились опята
и кто-то такой молодой,
ни разу ещё не женатый...
Я вспомнил, как первый ледок
на лужах, на жёлтых лужайках
хрусталиком звонким хрустел,
опята в лукошке лежали,
и ветер свистел в бересте.

Я вспомнил гранат костяники –
холодный и кислый огонь,
и кедры, и пихты меж ними,
и воздух, цежёный тайгой,
замшелый и влажный валежник,
и храм муравьёв в полный рост,
и золото солнца прилежно
рассыпалось в рос серебро.

Я вспомнил: он шёл, притомившись...
Калёную воду в реке...
Я многое вспомнил, помимо
когда это было...
...и с кем.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в авторском варианте.

* * *

Пляспигали и елисеи
мне ни разу и не приснились,
но со мною случались книги,
и я тоже случался с ними.

Христианчики или ессеи
никуда мне не упирались,
и совсем я не знал Рассеи,
но Сибирь хоть немного знаю.

Лучше всех здесь – ранняя осень,
бабье лето с шалью навывпуск.
Переключка: банты и косы,
пиджачки пацанов на вырост.

Небеса, окосев от света
перед мрачностью туч грядущих,
греют спины листвы и веток,
заодно согревая души.

Птичий компас – к югу на небе.
Нувориши уже отбыли.
Я живу на юге Сибири –
юго-западе, если точнее.

Вспомни юг, когда дунет вьюга,
вспомни запад, в сутроб сморкаясь.
В елисеях – они не пьют там
самогон гранёным стаканом.

Этим хвастаться – мимо денег,
я к тому же – мёртво-непьющий...
Просто нечего мне там делать.
Абсолютно и вопиюще.

* * *

Октябрь приходит решительно и по-хозяйски,
шарит в ветвях, срывает лишние листья,
дует на воду, и чёрному озеру зябко,
падкий на всё, что тепло, приволок стылый ливень,
и, перейдя в затяжную свинцовую морось,
морит листву, замешав её, чавкая, в слякоть.
Мрачные тучи с опухшей синюшной мордой...

Уж поскорей бы мороз, уж поскорее бы к ляду
эту промозглость и эти пригоршни за ворот,
мокрые ноги, бронхит и хронический насморк,
это безвременье, смуту, где осень в фаворе,
и безобразие грязное. Холода нам бы,
снега... Но утром проснёшься и видишь
там, за стеклом, безвоздушность, пустое пространство,
будто всю ночь кто-то пил, а под утро всё выпил
небо, оставив ничто, то есть просто прозрачность.

Оттрафаречены чётко деревья по склонам,
взгляд устаёт, недоплав, в горизонт утопает.
Солнце сквозь сомкнутость век отливает зелёным.
Так наступает ноябрь, так октябрь отступает.
Можно сказать: бабья осень. Безветренный холод.
Днём посмотревши на небо, его не заметишь.
Солнечный крут к пустоте непонятым приколот –
жёлтой звездой над нестрашной осеннею смертью.*

* Стихотворение разбито на строфы.

* * *

Стоял четверг. Сулились холода.
На юг бежали пасмурные птицы.
Кончались сигареты и вода.
Калитка не захлопнута, и злится
собака: скрипу отвечает лай.
Похмелие. Такие вот дела,
что – ничего, достойного пера.
Сижу, стенографирую безделье.
Но нет воды. Вручивши два ведра,
ступаю до колонки рукодельной –
нехитрым способом извечь из-под земли
грунтовых вод в объёме двадцать литров.

Стоит четверг. И в небе – журавли.
Хотя я сомневаюсь, журавли ли.*

* Стихотворение разбито на строфы иначе, чем в авторском варианте. Первая официальная публикация состоялась в 2017 году (в промобуке к данному изданию).

* * *

Лес, опустевший без комаров,
птичьего пенья, листвы (почти) –
это конец октября. Покров*.
И хорошо одному идти,
хрупая снегом, крутой тропой,
дабы согреться, припомнив дни,
где, убелённые той же крупой,
здесь же гуляли вдвоём одни.

* Поэтическое допущение. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы, –
непереходящий в церковном календаре, – всегда отмечается 14 октября.

* * *

А помнишь, как пахли опилки
на маленькой пилораме,
как они жарко вспыхивали,
как дрова разгорались

быстро (как ты) и весело,
как пела печка протяжно,
как первые звёзды вечера
подмигивали нам влажно...

А помнишь топчан, сколоченный
в три плахи сухого кедра, –
широких (но узких ночью), –
три скрипки в серьёзном скерцо...

А помнишь, как утром завтракали
дарами тайги и речки:
октябрьскими карасиками,
последними сыроежками...

А баньку по-белому тёмную,
не знавшую электричества,
с тайгой и рекой за стёклами,
с любовью (Её Величеством)?..*

* Из уважения к авторскому выбору, стихотворение, как и в прижизненных публикациях Руслана, печатается без заключительного четверостишия.

* * *

Я вспомнил детство и отца...
Есенина зелёный томик
читает, курит без конца.
Зубами скрипнет – и на столик

отложит книгу. Посидит,
ладонями лицо закрывши...
Мне было года два, поди,
но вот глаза закрою – вижу.

И первая любовь к стихам
моя – конечно же, Есенин.
На розовом коне скакал
под кущею зелёной сени

годов, наверное, с восьми –
сейчас уже не помню точно.

... ..
... ..

Прошли года... Сейчас и здесь
уже ни в чём врага не вижу,
но я наполовину есть –
из этой – самой первой – книжки.

И... хорошо. Спасибо, жизнь!
Тобой недаром был корёжен.
Заканчивая ностальжи,
Вас процитирую, Серёжа:

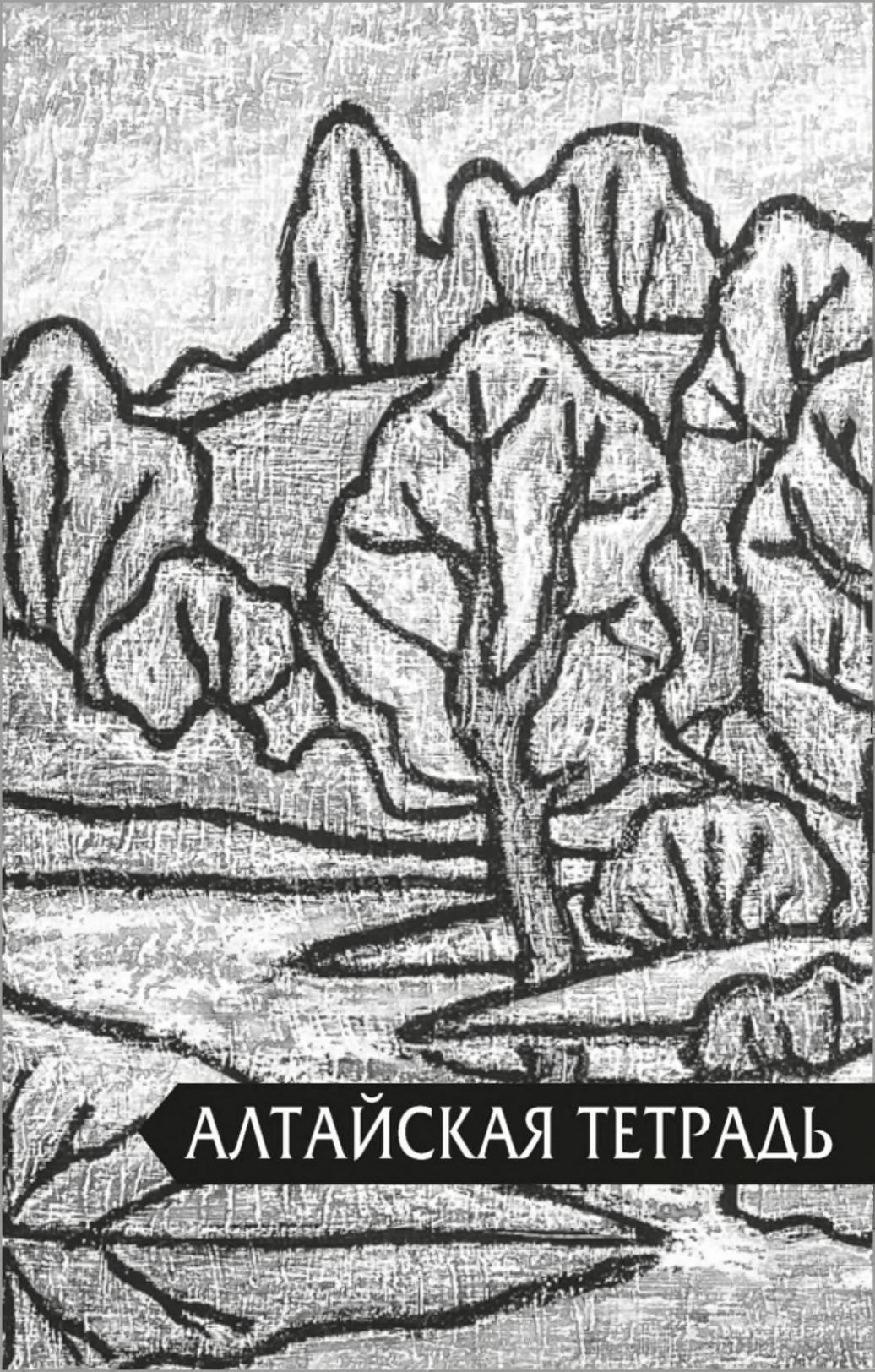
«Вот и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок...»*

* Из уважения к авторскому выбору, стихотворение, как и в прижизненных публикациях Руслана, печатается в сокращении.

* * *

Весь день среда как будто бы стоит.
Часы идут как будто бы вперёд.
В пустой машине – толстый индивид.
И музыка прекрасная поёт.

Из школы выбегает малышня.
Выгуливает таксу старичок.
У Таньки близнецы – не от меня.
Не знаю, что могу сказать ещё.

АЛТАЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

«МАЙСКАЯ» ОСЕНЬ МАСТЕРА-МАЯ*

Всякому поэту – своя осень. Есть такое расхожее выражение. И пусть никто не скажет наверняка: действительно ли «природы увяданье» способствует обострению поэтического восприятия, или это дань памяти «нашему всему», как охарактеризовал «солнце русской поэзии» Аполлон Григорьев, – но у Руслана Сидорова была главная осень, – осень-вспышка, как ни странно, оказавшаяся «Майской».

Конечно, это каламбур, и сказать так, не выйдя за рамки литературных норм, нельзя, но соблазна избежать не просто, ведь «Болдиным» будущего Мастера-Мая стал затерянный в отрогах Бийской гривы посёлок Майск** (или Майский, как многие по-прежнему продолжают его называть). Поэтический дневник без малого трёх месяцев алтайской авантюры впоследствии и стал сборником, вступительную статью к которому Вы, читатель, пробегаете взглядом.

Почему авантюра? Майск – посёлок приисковый. В конце лета 2005 года, устав от хронического безденежья и надеясь на достойный заработок, Руслан отправился разнорабочим на золотодобычу. Затея, в материальном плане, окончилась для него ничем, творческий же результат оказался более чем весом: десятки стихотворений, написанных живым и таким узнаваемым языком – зрелым языком мастера слова.

Что в этих строках? Каторжный труд в бригаде, мужицкие попойки (а куда без них?), ирреальная красота дремотных предгорий, образ туманной и далёкой Музы, размышления о смысле существования и предназначении Поэзии и Поэта, столь свойственные Руслану.

Удивительно, но при всём тематическом и стилистическом разнообразии и обилии подчас нелёгких для восприятия речевых и смысловых конструкций, «алтайская» тетрадь представляется по прочтении единым, цельным произведением. Похоже, сама среда написания слагающих её текстов, – среда, и воспетая, и проклятая Русланом, – срощивает их в монолит.***

Она пронизывает тело тетради, угадывается между строк, формируя её контекст с самых первых, исполненных света и воздуха, тёплых августовских деньков, до последних тревожных бессонных суток, спаянных в бесконечный цикл размышлений о трагической предопределённости будущего.

Глухой горно-таёжный угол: брезентовые палатки, покосившиеся избы, суровые, особого склада люди, спирт и чифир, шурфы и драги, – отторгнутой цивилизацией и чудом уцелевший старорежимный мир старательского фронта, не принятый поэтом, но пройденный и прочувствованный им. Мир, где в избытке одно золото – золото листопада, превращённое в филигрань ритмов и рифм искусным стилем.

Таково «Болдино» Руслана Сидорова. Читатель, переверните страницу и приобщитесь к нему...

Сергей Ерофеев

* *Пожизненным званием Мастер-Май и прилагающейся к нему синей банданой Руслана Сидорова наградили коллеги по перу – участники Первого форума поэтов Кузбасса «Во весь голос», проходившего в Кемерове 19 – 22 мая 2011 года.*

** *Название посёлку дал ныне не существующий Майский золотой рудник, обязанный, в свою очередь, именем ближайшему ручью. Несмотря на то, что рудник существовал лишь с конца пятидесятых, золотодобыча по реке Каурчак ведётся с дореволюционных времён.*

*** *Следует упомянуть, что такому эффекту способствовала и некоторая редакторская правка: материалы подчёркнуто-личного характера, ряд незавершённых стихотворений, а также спонтанные наброски, не вошли в итоговый вариант сборника.*

* * *

В сентябрь вновь расцветают «огоньки»
скромнее майских, майских неприметней.
Посёлок Майский. Лагерь у реки.
И день по-женски тёпл, по-бабьи летний.

И золото, что роем у земли,
набросано поверх её в достатке.
И огоньки ещё раз расцвели.
Моя весна придёт ко мне под старость

спокойно-мудрой, ясной, золотой.
Что всё не зря – в сентябрь станет ясно.
Я стану огоньком, а может, ямбом
в альбоме чьём-то, лёгшем на листок.

* * *

...На моих плечах лежала нежность,
и я слушал розовые губы...

Если б я был ветром, то я дул бы
в август-окарину*. Только это.

Между рук моих была планета...
Нет – звезда... Нет – право, я не знаю.

Если б я был небом, то вместил бы
нас двоих, но небо не вмещало.

И я слушал розовые губы,
что солёным шёпотом вещали...

Я запомнил только «но», и «не», и «будем»,
и ещё вот это – «никогда».

...Лёгкой нежной тяжести не стало
на моих плечах, – ах, если б – сильных.

* Окарина – один из древнейших музыкальных инструментов – глиняная флейта, как правило, яйцеобразной формы; распространённый алтайский сувенир.

* * *

Холодная голубизна,
чья глубь всегдашняя без дна.
И локон, что лишь сдунешь, – снова,
ладонь, что лист осенний ждёт,
и дождь, когда она идёт
с работы в среду в полшестого,
и лёгкое дыханье, и...
Уже достаточно двоим
припомнить реку и рябину,
бой с ветром, сердца перебой,
ещё, ещё... и перебор,
и рифма сложная – мы были.

* * *

Много ль нужно помнить? – Нет, не очень:
что уходят, чтоб домой вернуться.
Красота и тут, и там – несрочна.
Перед смертью лучше улыбнуться.

Помнить, что для жизни, кроме песен,
размышленья благородным впору.
Человек собою интересен.
Только точка может быть опорой.

* * *

Но как шершень осу уносит,
засекает задумку память, –
я подумал, что завтра будет
обязательно и надолго.

Дети в школу внесут букеты
под небудничный бубен звонкий,
и никто не умрёт в печали,
а тем более – от бессилия,

и в толковый словарь запишут:
«Осень – лучшее, встреча с лучшим».
И, всекаясь в сентябрь, осы
станут солнцем, листвою, лаской.

* * *

Для вдохновения не нужно выбирать
особых мест, времён иль их единства.
Для действия: трезвость, чай, перо, тетрадь,
конечно, и талант бы пригодился.

Но, коли нет, то просто от души,
как свыше положили, как услышал –
без отсебятины дословно запиши.
Кто – как, а мы с тобою так и пишем.

Так и поём сегодня, полюбя
в себе – себя, вокруг – всё остальное.
И рифмами скрепить слова, скрипя,
не успевает пёрышко стальное.

(Не я придумал вечное перо.
А жаль – не я – придумано прилично).
Октябрь, золотое серебро
росы в косых, и никого из лишних

вокруг. Кругом – тайга, река, гора
и тишина, насыщенная светом, –
собой, рекой и песенкой пера,
что жизнь есть жизнь в любви, что смерти нету.

* * *

Легчайший солнечный текстиль,
развешенный по листьям веток,
обычно называют светом,
но необычность – это стиль
стила поэта.

* * *

Пространство легко и открыто:
сентябрьский солнечный день,
осеннюю молью побитый
лист плавает в холодной воде.

И радостно даром, шагая,
растрачивать времени скорбь,
и чёрные галочки галок –
как метки на синьке листка.

Листок записать и заполнить,
запомнить и не забывать:
сентябрьский солнечный полдень –
махровую охрой листва.

Чтоб позже, в остуду и слякоть,
горе воздавая, прочесть,
что жить хорошо – низачем,
а смерть... – так и нечего плакать.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Ох, как красиво! Всё в междометьях.
Больше не скажешь ахов да охов.
Северный ветер, стих на рассвете,
синий туман да возгласы вздохов.

Я – на работу при полном параде:
пара сапог да спецовка с банданой.
Дело поэтов идти на-гора, и
в гору шагаю с рюкзачным приданным.

Синий туман разбавляется жёлтым.
Осень стоит, словно девка на выдан.
Ох, хорошо мне! Ах, хорошо мне!
В гору, а значит, жизни на вырост.

То, что прошло, стало тесным не в пору.
Осень-невеста нарядна, как сказка.
Тянет магнитом синее в гору:
тема бродяг, верхолазов и скальдов.

Сердце, глупея, нальётся рябиной.
Даже кедровки поют соловьями.
Нас не любили, или любили –
не всё равно ль, если любят нас явно.

Ясно, как свет. Вот и впитывай, память,
пищи НЗ на чернотные ночи.
Солнце поднялось. Росы упали.
Вот и вершина, и жизнь. Многоточие.

* * *

О, Господи! За что такое всё?
Кому? И мне? И мне равно со всеми!
Ужель и вправду всяк Тобой спасён
уже сейчас, за день до воскресенья?

Вокруг – пихтач. Привычны комары.
Есть чай и даже, Господи, сгущёнка.
Я проиграл. Но результат игры –
да вот он, здесь. И что мне счёт? Что счёты?!

Так слишком не по-свойски хорошо,
что страшно жить вперёд – навстречь другому.
Но буду, ибо и сюда дошёл,
не зная ничего за дорогое.

Да, дорогая. Вот так реприманда*:
из грязи в князи. Размотав портянки,
князь пальцами шевелит, и роман
становится романом без натяжки,

с романским «R» хрустящего костра
под флейту ветра и сурдинку гнуса.
И даже если завтра умирать, –
в сегодня всё, чтоб спеть и улыбнуться.

* В данном случае – неожиданность.

* * *

Только с голоса можно списать слова
в знаки нотных полос тетради.
Только осень играть со златом – права.
Лишь тетраэдр с пятым – праведен.

Вся и соль в том, что суть, что на слух уловил, –
невесомее и лучистее.
Несомненное чуткое сердце любви
учит лучше учителя.

Только место, что пусто, к себе зовёт.
Только время, что вместе, – лечит.
Только осени свист услышав в листволаёт,
усекаешь, что скоро вечер.

Скоро голос усохнет, как лес, как лист,
золочённый самим собою.
Только голос и слух полюбить у земли
и лететь налегке, с любовью.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Ты в свете – вся, и свет идёт с небес
сквозь окна листьев, а не стёкла окон.
Весь этот лес принадлежит тебе,
и на твоём значке – змея и сокол.

И осень отступилась и стоит.
Лишь лёгкий лист, вострепетав, слетает
к твоим стопам на золоте земли
для новых рифм: «весталка» и «гетайра».

За это я люблю вот эту жизнь:
за незаслуженность как дара, так и кары.
Непогрешима? Бог с ней, погрешим,
поставив рай и яблоко на карту.

* * *

Судьба... Два слога, как в «Ау»,
когда лес сумрачен, и страшно
блуждать и крикнуть «Караул!»
и разбудить судьбу ли, стражу,

и – врачу, исцелился сам*, –
молчишь, но горло бредит рифмой,
и вот судьба ли, небеса
даруют лист и острый грифель,

что режет жизнь напополам
и вечно пребывает в центре.
И вот звонят колокола
тебе, не по тебе, не в церкви.

Судьба... Два слога, как в «Ау»,
когда лес сумрачный бескраен.
Услыша звон, бесстрашен странник,
идёт, бо избранных зовут.

* Не так уж часто в стихотворениях Руслана Сидорова встречаются библейские цитаты и аллюзии, тем интереснее, что здесь их сразу две: «врачу, исцелился сам» – прямая цитата из Евангелия от Луки (гл. 4, ст. 27); «идёт, бо избранных зовут» переосмысливает «много званых, но мало избранных» из Евангелия от Матфея (гл. 20, ст. 1).

* * *

Писать о том, что знаешь: о дождях,
напитках алкогольных и горячих,
о том, как покидают, не дождаясь, –
что знаешь то, что ничего не значит.

О том, что ты из жизни прочитал,
усвоил и теперь своим считаешь,
о том, что жил бы этак или так...
Как было нужно – до смерти не знаешь.

О том, что врёшь, «не знаю» – говоря,
о зависти, о подлости, о слове,
о том, что день грядущий мне готовит
языческую бедность словаря.

О безднах, разделяющих людей,
о небесах, для большинства молчащих,
о том, что можно быть счастливым здесь,
о даре жизнь раздаривать несчастьям
ради письма вилами по воде.

* * *

Простит простоволосая трава
смертельную косу, и не осудит
секущих струй осенняя листва.
Так было. Так должно быть. Будет.
И ты, – пройдёт неспелости пора, –
научишься неспешности природы.

Как высока – в миноре – пастораль...
Как дороги в предсмертной жизни годы...*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Тучи ушли. После разоблачения
небо синей чистоты.
Это туда никогда не исчезну я,
став составляющей Ты.
Это сильней моего понимания,
что я составляю из слов
Жизни, всю жизнь меня в смерть обнимающей...
Синее небо светло.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Сегодня будет день хорош:
созвездья – в ночь, с утра – туман.
В червонном золоте корон
нагорный лес и горний храм.

Так перед снегом жизнь щедра:
во всей красе осенний бал,
в червонном золоте гора
и журавлиная труба.

На фоне полной тишины,
впиваясь солнечной иглой
в пластинку льда, звучит иным
нечеловечески-иной

мотив. Тогда откуда мне
он внятен так, что каждый такт
уводит к истине вовне?
Наджуравлина высота

и там, и тут; и тут, и там,
во мне, вовне – одно в одно –
жизнь, осень, смерть и высота –
и нет иного, нет иной.

* * *

«Друзья». Я знал всегда, друзья,
что слово это – подоплёка
неявной близости с далёким,
где некогда бывал и я...

Всё реже, реже в те края
впадает в обмороке память.
Я не один, пока я с вами...
Типа того... пока я пьян.

* * *

Опять сентябрь. Старый маскарад
деревьев. Птиц не слышно – улетели.
Что нового, унылая пора?
Лишь нары саморубленной постели.

Куда ни путешествуй, всё своё
с собою уносящий будет дома.
Зелёный чай, и Бродский, и на «ё»
похмелье, и преферанс, и доля

ироний скепсиса в наречье «хорошо»,
неизречённость чувств и нарекания:
«Смотри! Един лишь раз!» И вот стишок
у речки, между прочим, на закате.

* * *

1

Октябрь – скоро. Ночи холодны
и звёздны. Благо, что берёза,
особенно сырая, не сгорает
подолгу, но зато сгорает жарко.
И всё же в пять утра в палатке «ноль».
Ощупывая ночь, ищу дрова,
в помощниках – созвездия и спички.
Октябрь – скоро. Холодно. Темно.
А через полчаса бока красны,
и можно спать, но закипает чайник.
И жалко время, кипяток. А снов
хватает мне и наяву для пробужденья.

Октябрь – скоро. Скоро ляжет снег.
Окончатся работы полевые,
и я домой поеду, и впервые
за много, много, много, много лет
я денег заработаю за лето,
и, может быть, случится что-нибудь.
Допустим: отболевшим отболею,
и положу на горькое табу,
и отрекусь от смерти Галилеем,
сказавшим, что видал её в гробу
вертящейся. Налью и пожалею.
Парариум – палатка. Поты – камни,
нагретые для ночи, – это осень.
И, как всегда, внезапен первый снег:
при солнце полдня – волгая прохлада,
и на зелёных струнах лирных сосен
злой бисер – ослепительным зрачком.

* * *

Нету желанья работать, стенать, возражать,
просто сидеть, и играть, и отыгрывать гору.
Из горловины вино передвинулось в горло:
горько, как горько, – и всё ж отчего-то не жаль.

Нету желанья, радости, смысла, слуги.
Есть сапоги и портянки, кайло и лопата.
Жизнь не театр, но прочная школьная парта.
Впрочем, коль очень, то это ... с урока сбег.

Нету отчаянья, счастья, часов и зеркал.
Есть отраженье, и жизнь, и желание выпить.
Скоро октябрь золотою листвою засыплет
ямы шурфов, где ты золота не отыскал.

1 ОКТЯБРЯ

Сегодня первое число.
До дембеля мне две недели.
Туман к полудню разнесло,
и – красота... На самом деле:

так сочноцветны гряды гор
в осеннем солнечном софите,
что это... это нужно видеть.
И воздух, налитый тайгой,

сиятельный, студёный, вкусный –
хоть ешь его, хоть пей. Вода
поёт по-шорски и по-русски
одно и то же: что беда,

беда пуста, равно – победы,
что жизнь – движенье, смерти нет,
что впредь бездомным непоседой
оно – вполне, вполне, вполне...

Пусть птиц – прости, прощай – не слышно,
пускай пытается мошкара.
Но – неунылая пора!
Октябрь. Первое. Запишем.

* * *

Целый вечер продолжается вечность.
Целый вечер зажигаются звёзды.
Мы с тобою проживём целый вечер,
потому что мы с тобой – проживём мы.

Вот такие положил я расклады
и скрепил простою рифмой – в законы.
Я, единожды знакомый с талантом,
а с душой я не однажды знаком был.

Трое нас, аккорда три да три слова:
«Ты да я», и целый вечер – нам песней.
– Мы когда-нибудь увидимся снова?
– А зачем? Когда мы в вечности вместе.

* * *

Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...
Жил ожиданием? – Ну, так и живи.
Ведь даже эта... как её?.. Любовь –
есть только ожидание любви.

Мы привыкаем к жизни без всего,
но нашим детям с верой говорим:
«Ты вырастешь... – Ты слушаешь? – Ну вот... –
Полюбишь. Будешь счастлив и любим».

* * *

Мне не на кого жаловаться. Мне
отрадно то, что всё мне было впору.
И, если опустился, а не в гору
взошёл, то тоже сам пошёл, и не

могу ни другу, ни врагу –
за неимением – слово осуждения.
Я одиночество не очень берегу,
оно меня хранит на самом деле

от слова «ты» (тем более, от «мы»)
и лишь слова пускает близко к сердцу.
Бродяга-бражник, бывший домоседом,
один в палатке. Месяц до зимы.

Октябрь месяц. Горы и Алтай.
Иосиф Бродский, печка, доски шконки
в каком-то классе той же самой школы,
где всех делов – сиди, пиши, читай,

на переменах уходи в тайгу
с лопатою работать на зарплату.
Здесь у меня есть чай и шоколадка,
и сигареты не зер гут, но гут.

* * *

Я пишу лишь для тех, кто читает,
как ни странно, читает ещё,
кто кротами томов коротает
хронос дней, и не будет прощён

жизнью этой за траты без цели
(время – деньги) бесценного дня.
Только кто-то из этих оценит,
а, Бог даст, и полюбит меня.

* * *

Коль красоты я не достиг,
красивости пора забросить
и перейти на тот язык,
что беден, как октябрь. Осень –

давно классический пример
(смотри А.С.) для стихотворства.
Прозрачный и холодный воздух,
и рядом – красота и смерть.

Писать, что вижу и живу,
заметки на ветру и раны.
Быть глуповат, как Голливуд,
и прям, как луч, и прост, как правда.

Пусть кто-то скажет: не стихи...
Но боль не лжёт: ни так, ни в рифму.
Кто жил на хлебе с маргарином,
тот и в гурманстве слов не хитр.

* * *

По жизни черновик не перечёркивал,
и набело с ошибками прожил.
И белочку ловил после по-чёрному,
и с чёртушкой под белую дружил.
За всё платил сполна – собой, безденежный
бездельник, приобретший календарь,
в котором дни за днями – понедельники.
Не верю воскресенью навсегда.
Не верил, не просил и не завидовал
тем, кто синиц (и журавлей) ловил.

* * *

Синее, жёлтое, млечный загиб,
техника писем для левой ноги
песен небрежных.
Вот светлячок сигаретный взлетел
и, очертивши параболу, сел.
Пепел безгрешен.

К «цик-цик» цикады плюсуется стук
ста листопадов. И тысячи штук
звёздочек-дочек
смотрят с небесной тоской на меня.
Не изменял им – засим не винят,
но медоточат.

РОМАНТИКА

Летит листва, как искры папирос –
погаснуть в лужах.
Ей Гамлетом надуманный вопрос
решать не нужно.

Любой огонь умеет догорать
красно, без страха.
Звенит хрустальной ложечкой о край
заката птаха.

Что выбрать между худшим и плохим:
сгореть, как лето?
Иль пить, когда закончились стихи
и сигареты?*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

ЛИСТОПАД

Смешалось солнце с листьями,
что стали лёгкой лестницей, –
несомой бесполезности
узорчата ступень.

И входит в раж мажорное,
и в ход идёт минорное,
и пахнет синь мороженым,
и ты слагаешь песнь

про то, что осень – весело.
За то, что легковесен ты,
по листопадной лестнице
не падаешь – поёшь
от листика до листика
про то, что небо близится –
отличное от личного,
но всё равно – твоё.

Всё, что несётся самостью, –
спасётся невесомостью.
Сердца не для осёдлости,
крыла не для седла.
Поэты – люди странные,
поэтому пространство им –
и зов, и вызов – странствовать,
и в сторону – дела.

Помимо дела частного,
весёлого и честного,
пока страницы чистые, –
есть жизнь куда сберечь.
Не зная, что получится,
смерть оставляет лучшее.
Летят листы и лучики
вперёд и вверх – навстречь.

* * *

Светло под светло-синим с жёлтым,
и лес пустой наполнил свет.
Я и октябрь. Тет-а-тет.
И ничего другого нет,
и пусто в сердце обожжённом.

Светло и пусто. Тишина.
И послевыжившие листья.
И это всё – моя страна,
вся золотом разорена.
Я и октябрь. Третий – лишний.

* * *

Октябрь. В розовой воде
купаться хорошо и страшно.
И на вес золота весь день,
который солнечно украшен.

Каратов многократный сноп
слепит стаккато листопада,
остепенённа тишиной
лесной акустика... И пара

рабочих курит. Осень, лес.
Всё – на горе, под сенью неба.
Царит октябрь на земле.
Но сень, надмирней и юнее,

не разбирая зим и лет,
раздаривает свету свет.

* * *

Где я? Где я?
Там, где рдеет
на закате лист багряный,
где с утра туман редет
над бурьяном,

там, где грустно
так по-русски
молодую смертью пахнет
листьев в синем листопаде, –
вот где, Руська.

* * *

Из чего? Из ничего,
из какого-то молчанья,
что осенними ночами
выявляет естество.

А куда? А никуда.
По небу земля летает,
и, ни в чём не видя тайны,
надо всем горит звезда.

А зачем? А просто так
заповедано природой:
переливчатое рондо,
полнота и пустота.

Что теперь? Терпеть и впредь
веселиться, злиться, длиться,
ждать, пока не растворится
дверь стучащемуся в твердь.

* * *

Вот-вот окончатся хорошие октябрьские,
и в тот же миг начнутся те же – нехорошие.
Покуда ж небо бирюзою лишь затянуто,
и лист берёзы золотист, и месяц бронзовый.

Ещё в палатке и без печки в полдень – Африка.
Ещё весь день лови загар, а хочешь – харьюза.
И хоть при минусе с утра сегодня завтракал,
но, если что, то есть плюс сто и выше – париться.

Вот эти, крайние, люблю, как ту, что первая.
Лишь Богу ясно, сколько длиться ясной осени.
И то, что знаешь ты, что вскоре и, наверное,
прочнее вяжет к этой сини, к этой проседи.

Вот эти – крайние. Боюсь сказать – последние.
Стекали летние дожди и бабьелетние.
Здесь каждый лист живым – заслугой и наградой.
Войска ветров прошли, червонного награбили.

* * *

Сыро, октябрь всё сыплет и сыплет.
Спишь. Видишь сны: далеко-далеко
Лациум нежно-лиловых глициний –
пусть на игольное только ушко́.

Тёмно-лилово италиков море,
тонко, до глуби прогрето, и гладь
томной волною в витийстве не спорит
с ритмом, что рядом витийствует Флакк*.

По пробужденьи в простылой палатке
дождик стучит по полотнищу ритм.
Ищешь портянки... А Лаций, Эллада,
Рим или мир – ты отыщешь внутри.

* Речь идёт об одном из известнейших «италиков» – античном поэте Горации.

* * *

Есть костный хруст, и есть зубовой скрежет.
Есть тёплый снег в начале октября.
Есть жар и холод, чахлая земля,
в которой золото. Есть небеса и нежность,
их женственность, жестокость для живых,
их гуд, свинец, вино заката, проседь
и перистость... Стать листьями травы,
чтоб смерть встречать, как осень,
питаясь светом, ветром и дождём,
и знать, что никого земле нет ближе.

* * *

Осенний ветер, ищущий тепла, –
больной бедняк, запутавшийся в листьях.
А кажется, что он от свиста злится
и... раздевает ветку догола.

* * *

Шурша полдневной пустотой
предсмертья октября в берёзах,
улав – на землю, как на стол,
(смеркает) наступают слёзы –
октябрь, стянутый стихом,
в метафору некрофилии.
Того ли ждали от земли и
неба осень, звёзды, холм,
и злая обнажённость дня,
и неба доброе бесстыдство,
и рифмы, что по мне звонят,
по мне – так не по-монастырски?*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Проигнорировать тему – реальность.
Учишься сам, здесь никто не помощник.
Проинтегрировать сумму обвальных
дней и ночей получения по морде.

Множь результат мнимую единицей.
Знай, заклинай: это всё – ничего мне.
Если есть место на чистой странице,
то и без воли ты – не невольник.

Падшим и впадшим по жизни в немилость,
как-то: фортуне, судьбе, небесам ли, –
дар бормотать на мотив неотмирный
несерафической сферой осталось,
той, коей центром ты учишься сам лишь.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Октябрь и, по-моему, среда,
хоть по погоде видно – понедельник:
затянутая моросью балда,
меж палых листьев – палая вода.
Повсюду – пал. Что остаётся делать?

Да радоваться, чёрт его возьми,
что был знаком с хорошими людьми,
и был, и есть, и буду назло небу,
которое позорно моросит.
Кому же хорошо жить на Руси?
Да хоть и мне бы!

* * *

Как славно выпить в октябре,
у печки сидя в старом доме.
Вот дождь за окнами долдонит,
а ты со всех сторон согрет.

Там – грусть, и холодно, и мор.
Здесь – груздь и хруст поленьев в печке.
И, закуривши «Беломор»,
возможно помышлять о вечном.

В нирване мирной дремлет кот.
Кружочек колбасы отрежем,
соорудивши бутерброд,
сумняшесь ничтоже, врежем.

Тепло, теплей. Грустнее вдруг
с банальной фразы «Жизнь проходит»,
ты скаламбуришь: «Милый друг!»
И в этом – ни на грош плохого.

* * *

И это будет песня. Я не знаю,
о чём. Но в этот вечер будет песня.
Чем не известней, тем и интересней.
И нечего тянуть. И начинаю.

Допустим, о природе и погоде.
Нет, погодим и ждём иного слова.
Суть пауз – в ожидании иного,
оно само себя на слух находит.

И эта отсебятина поётся
без аккомпанемента и солиста.
Цигарка курится и дым слоится.
Огонь в печи ещё от кроманьонца

был призван создавать в доме тепло,
чтобы начинка стержня не замёрзла.
Часы стучат до всех часов, и морзе
одно и то же, и скрипит стило.

Вот в промежуток светло-синих штор
протиснулся широкоплечий месяц
и говорит: «Ну, что творишь, земля?»
И пялится через плечо в листок.

Хотелось спеть, а вышла ерунда:
из ста попыток – девяносто девять.
По этому сценарию: что делать?
Навоз, точней, словесная руда

ждёт от бездарных ремесла терпенья.
И я готов на ночи и года
с мучительницей музыки и пеня
ходить туда, неведомо куда,
чтобы хоть раз нарыть стихотворенье.

* * *

Всё получается из чая,
из строчки, что подкинул случай,
из мая, буквы «ч» в печали,
из памятного поцелуя,

из целой жизни до сегодня,
разбега в безбережность завтра,
инерции пера, что водит
рукой, из сигарет на завтрак,

обед и ужин, из пронзённых
небес осенних синим криком,
казёнки армии и зоны,
где мы живём под третьим Римом,

Луны больной, печальнолучной
от одиночества ночами,
из строчки, что подкинул случай,
записанной за чашкой чая.

* * *

То листьями сохлыми пахнет
так тонко, то дымом пахнёт
так горько, как будто бы – память.
И в воздухе синем – синё.

Неслышно свистит в паутинках
отвесно спадающий свет.
Иголка впиалась в пластинку
и радиус сводит на нет.

И в боли рождается чистый,
рождается звук и бежит
подальше, чем можно исчислить,
подольше, чем можно прожить.

* * *

От инфляции банкротится октябрь.
Заигрались вольны ветры светом неба.
На октаву горизонт собой растянут –
предпоследний день Помпеи перед снегом.

То-то радости гуляке-гармонисту:
что увидел, то и спето, то и в строчку.
Ничего, что этот день укоротился –
срок до дембеля на день зато короче.*

* Первая официальная публикация стихотворения состоялась в 2018 году
(в промобуке к данному изданию).

* * *

Ночь. Тишина. Шум сердечного стука.
Ухо – в подушке. Не спишь – и не спи.
Всё-таки жизнь – хорошая штука.
Ночь. Час за часом. Терпи.

Вдруг да приснится что-нибудь: море,
Брамса квартет или слива в вине,
первооткрытие истины в горе,
или же просто уснёшь, наконец.

* * *

Правда у тех, кто сильнее и умней –
истина прошлых и нынешних дней.
Сирым, юродивым выдано здесь
право, прогнувшись, смирить свою спесь.

Ницше не близок, и та ниццета
тщетна, бо сказано: всё суета
в мире поддунном, а в поддинном том
«Камо грядеши?» – услышим потом.

* * *

Неудачник во всём... как там... кажется, looser,
равнодушно бредущий по жизни земли.
Только звёзды осенние в траурных лужах –
за своё: без руля и ветрил,

подрулил к точке В, до омеги – немного,
а до Бога... Но тем интереснее в даль
между искр осторожно ступать по дорогам,
из острога ведущим в моё никуда.

* * *

Ежели жизнь не мираж, то вираж в миражах.
Свет дрожащей звезды и свет сердца под боком
одинаковы, нечего больше дрожать, –
кроме страха от боли от жизни под Богом.

Это только кино. Эта жизнь за окном –
от вины до вина и обратно.
Так откуда ж я знаю, что всё есть одно?
Я не знаю, но знаю, что – правда.

СОНЕТ

Меж серых изб и неба цвета серы
мне видится невидимый зазор:
уйти от рифмы зрительной «позор»
и рифмы вкривь неправильной «Рассея»,

где (без кавычек) любя, надя, вера
прошлись по жизни поступью босой,
свежи, чисты, но это ли не сон?
Не пачкали, как в холле пионеры.

Гармония?.. Раз – грязная изба.
Два – треснутое жёлтое окошко..
Гармония? Здесь даже нет гармошки.

Я на губе играю, и судьба
фальшивит жизнь, которой так немножко,
и слышится неслышная труба.

* * *

Октябрь. С утра – воскресенье.
В весёлых картинках окно.
А выйдешь – и пахнет сиренью,
а снег или грязь – всё равно.

И солнце в осколках бутылки...
И целое небо в зрачке...
И почву целуют ботинки...
И мачо в любом мужичке.

И каждая женщина – дама
прекрасная (жаль, не знаком).
Всем счастье законным приданым –
вполне очевидный закон.

* * *

Я сыграю с осенью в карты.
Я сыграю с осенью в бубны.
Эх, расклад мне выпал шикарный!
Всё отдай – а всё не убудет.

Кто же это фортуной так рулит?
Что ни сдача – карта не бита.
Козырь – черва – полные руки, –
гроздь красноезвёздной рябины.

Было дело – делались ставки.
Под полбанки – банки срывали.
От всех статей листья остались.
Я остался, листики, с вами.

* * *

Наглопались лужи звёзд и стали глубже,
по астралу путь до дому пролагая,
полагая, что – неправда, раньше – лучше,
по-другому, дорогому, дорогая.

Скоро время ноября, и мне родиться
предстоит который раз – уже не страшно.
Я с утра поставлю водку в холодильник:
будет день, и будет пища, будет праздник.

Я за время этой жизни научился
фишки слов передвигать да любоваться,
да с ума сходить немного, да лечиться.
Остаётся научиться расставаться.

* * *

Струна ручья вплелась в струю гитары.
И песня стала хлебом и судьбой.
И вита нова нотами витала
над прочей жизнью, прочной и скупой.

Всегда, в любой ночи есть, – кто не дремлет.
Костёр горит. А что там, за кормой,
что впереди – всё равно, ибо время
несрочное в том доме. Мы – домой.

* * *

Снег идёт, потихоньку идёт, и день
потихоньку проходит. Часы везде
равномерны, но своенравный стук
сердца мерит мирным свою версту.

Из надмирья сыплет песком воды.
Там свои счета, здесь свои следы –
бело-рваной нитью прошита связь.
В непрожитой этой никто не свят –

по снегам ходить, по воде писать.
Ничего нельзя никому сказать,
что бы было правдой наверняка...
Снег идёт, как шёл до того века.

КНИГА I. НЕ ИМЕНУЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(С. Ерофеев) 5

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

(Р. Сидоров) 7

Из нас собрали батальон.... 8

Всё длится сумрачный февраль... 10

Мне так не хочется на бой... 11

Утро врывается в город позёмкой... 12

Я родился в городе, где каждый второй... 13

Что жизнь? Игра на балалайке... 14

На уровне молекулярном... 15

Недоучившийся учитель... 16

Весна входит в город развязной... 17

Я сегодня проснулся и выпил свой чай... 18

Может быть, чтобы приблизить небо... 19

Нет. Не стоит на стены лазить... 20

Уйду в тайгу. Уйду в тайгу... 21

Стих часто дольше сильных чувств... 22

Есть в слове «надо» – ад... 23

Что бесхарактерность? – пространство... 24

Среда... 25

Май. Сумерки. Цветёт рябина... 26

В шапочке из белого войлока.... 27

Голые стены квартиры... 28

Пьян я, как Модильяни... 29

Ей было сорок, ему двадцать пять.... 30

МЕТАМОРФОЗЫ 31

Что у меня осталось.... 32

Вот берег. Он морской...	.33
Время людей деловых пришло...	.34
«Я – это то, чем я был», – говорил старик...	.35
СВЯТАЯ СЛЕПОТА	.36
Душа моя простая, грустная...	.37
Город мой. Запылённый и грязный...	.38
Это место нашего с тобой... детства(?)...	.39
Серебряные птички звёзд...	.40
Глядя на часы, видишь, как теряется время...	.41
Ты знаешь, как слышна тишина...	.42
ТРАНЗИТ	.44
Горячий щебень. Запах креозота...	.46
Мир знал до человека о себе...	.47
РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ.	.48
Пальцы, мнущие сигарету...	.49
Мысли, лишённые реального содержания...	.50
Пилит двуручной один, что-то лопочет...	.51
Научиться бы жить...	.52
Ровесники, зачем не слышу вас...	.53
Пережду с котомкой под кустом...	.54
Вечер в тайге. Густеет туман над рекой...	.55
Легко презирать держащих бразды	.56
Как медленно падают листья...	.57
Тусклую блесну метну я...	.58
Был в любом городе посторонним...	.59
Я вернулся в мой город из чёрной тайги...	.60
Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится...	.62
Конец субботы. Мой знакомый Бог...	.63
Толстый дедушка верхом на быке, посох в руке...	.64
Ниоткуда пришедший на эту землю...	.65
Я на коне не скакал ни разу...	.66
Я знаю, что слово умеет бить...	.67

За практику смертей и воскресений...68
ДО ТЕМНОТЫ.69
Время пошло по девятому кругу...70
Поцеловать: «Гуд найт, ма шер»...72
Когда запоёт Орфей...73
В чем смысл жизни – не очень сложный вопрос...74
Тот, кто любит, тот не любим...75
Я на счастье бью тарелки...76
Он всё писал — прелюдии, вступленья...77
Осень. Окончанье октября...78
Замёрзшие гитарные смычки...83
Время сыплет песок и течёт рекой...84

КНИГА II. В КРАЮ АПОСТОЛЬСТВА

АПОСТОЛ «ЗДЕСЬ-НЕБЫТИЯ»

(С. Ерофеев)87
Прояснилось. Снег прошёл. Хорошо...90
Идёшь, собачий лай минует...91
Хочу, чтобы – лето сейчас...92
МАРТ.93
Нас пустила бабушка на постой...94
Телесен вечер тесных тёплых встреч...95
Апрельский день – прозрачный и высокий...96
Небо, нарисованное кошкой...97
Сирень сизокрыла, и семь голубей...98
Дружить с цветами, кошками... Любить...99
Импрессия сирени. Утро. Сад...100
БЕЗ УМА.101
В краю апостольства задумчивых берёз...102

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ.	103
ОДА ДАЧЕ	104
Птахи утром песни распевают...	105
Бывает время штиля...	106
Можно стать тише, тише, ещё потише...	107
В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь...	108
Истоптавши столько башмаков...	109
По синему дугу сквозь млечный туман...	110
Милые лица белые...	111
Солнечное масло облаков...	112
ИЮЛЬ	113
ДЕЖА ВЮ	114
Как повеет под вечер полынью духмяной...	115
СЕЛЬСКИЙ ДЗЕН	116
Ах, зачем слишком громко стрекозы шуршат...	117
Начав повторяться, – понимаешь: пора...	118
Звуки «Французской сюиты»...	119
Отдыхаю в деревне, варю картошку...	120
Как небо глубоко и как голубооко...	122
Я здесь был хронически счастлив...	123
Я не видел Альп и Гималаев	124
У подорожника – чёрный стержень...	125
Листва уже желала желтизны...	126
Чёрный платочек в красный горошек...	127
Восстань посредине чернухи...	128
Бывает так, что жгучая тоска...	130
Тихо. В речку плюхается жаба...	131
Корова чешет шею о пихту...	132
Живу в предбаннике, меж книжек...	133
ДУША ГУЛЯЕТ.	134
Краплённый красной краской лес...	135
Длинный прозрачный сентябрь...	136

Я вспомнил: мне снились опять...	137
Пляспигали и елисеи...	138
Октябрь приходит решительно...	140
Стоял четверг. Сулились холода...	141
Лес, опустевший без комаров...	142
А помнишь, как пахли опилки...	143
Я вспомнил детство и отца...	144
Весь день среда как будто бы стоит...	146

КНИГА III. АЛТАЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

«МАЙСКАЯ» ОСЕНЬ МАСТЕРА-МАЯ

(С. Ерофеев) 149

В сентябрь вновь расцветают «огоньки»...	151
... На моих плечах лежала нежность...	152
Холодая голубизна...	153
Много ль нужно помнить? – Нет, не очень...	154
Но как шершень осу уносит...	155
Для вдохновения не нужно выбирать...	156
Легчайший солнечный текстиль....	157
Пространство легко и открыто...	158
Ох, как красиво! Всё в междометьях...	159
О, Господи! За что такое всё...	160
Только с голоса можно списать слова...	161
Ты в свете – вся, и свет идёт с небес...	162
Судьба ... Два слога, как в «Ау»....	163
Писать о том, что знаешь: о дождях...	164
Простит простоволосая трава...	165
Тучи ушли. После разоблачения...	166
Сегодня будет день хорош...	167

«Друзья». Я знал всегда, друзья....	168
Опять сентябрь. Старый маскарад...	169
Октябрь – скоро. Ночи холодны...	170
Нету желанья работать, стенать, возражать...	172
1 ОКТЯБРЯ.	173
Целый вечер продолжается вечность...	174
Всё счастья ждём, но ... ожидаем вновь ...	175
Мне не на кого жаловаться. Мне...	176
Я пишу лишь для тех, кто читает...	177
Коль красоты я не достиг...	178
По жизни черновик не перечёркивал...	179
Синее, жёлтое, млечный загиб...	180
РОМАНТИКА	181
ЛИСТОПАД	182
Светло под светло-синим с жёлтым...	184
Октябрь. В розовой воде...	185
Где я? Где я...	186
Из чего? Из ничего...	187
Вот-вот окончатся хорошие октябрьские....	188
Сыро, октябрь всё сыплет и сыплет...	189
Есть костный хруст и есть зубовный скрежет...	190
Осенний ветер, ищущий тепла....	191
Шурша поддневной пустотой...	192
Проигнорировать тему – реальность...	193
Октябрь и, по-моему, среда...	194
Как славно выпить в октябре....	195
И это будет песня. Я не знаю....	196
Всё получается из чая...	198
То листьями сохлыми пахнет ...	199
От инфляции банкротится октябрь...	200
Ночь. Тишина. Шум сердечного стука...	201
Правда у тех, кто сильнее и умней...	202

Неудачник во всём...	203
Ежели жизнь не мираж, то вираж в миражах... . . .	204
СОНЕТ	205
Октябрь. С утра – воскресенье...	206
Я сыграю с осенью в карты...	207
Наглотались лужи звёзд и стали глубже...	208
Струна ручья вплелась в струю гитары...	209
Снег идёт, потихоньку идёт, и день....	210

УДК 821(161.1)

ББК 84.3Р7

С 34

Сидоров Р.

С 34 Рай человеческий. Сидоров Руслан Геннадьевич. –

Типография ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»,

2020 г. – 218 с.

16+

Автор проекта, составитель: Сергей Ерофеев

Литературный редактор, корректор: Татьяна Николаева

Художник: Сергей Васильев

Верстка: Андрей Торошин

Поэтические тексты приведены к единообразному виду: все строки начинаются со строчных букв, кроме случаев начала нового предложения или употребления имён собственных.

Автор проекта благодарит за помощь и поддержку:

Николая Калашникова, Сергея Загнухина, Олесю Ходакову,

Эльвиру Лабер, Валентину Ерофееву,

и отдельно – Клару Романовну Сидорову за предоставленную возможность работы над книгой.

Выпуск телеальманаха «Девять муз» с участием Руслана

Сидорова и использованные фотографии взяты в работу

из общедоступных ресурсов сети интернет.

ISBN — 978-5-6042637-0-9

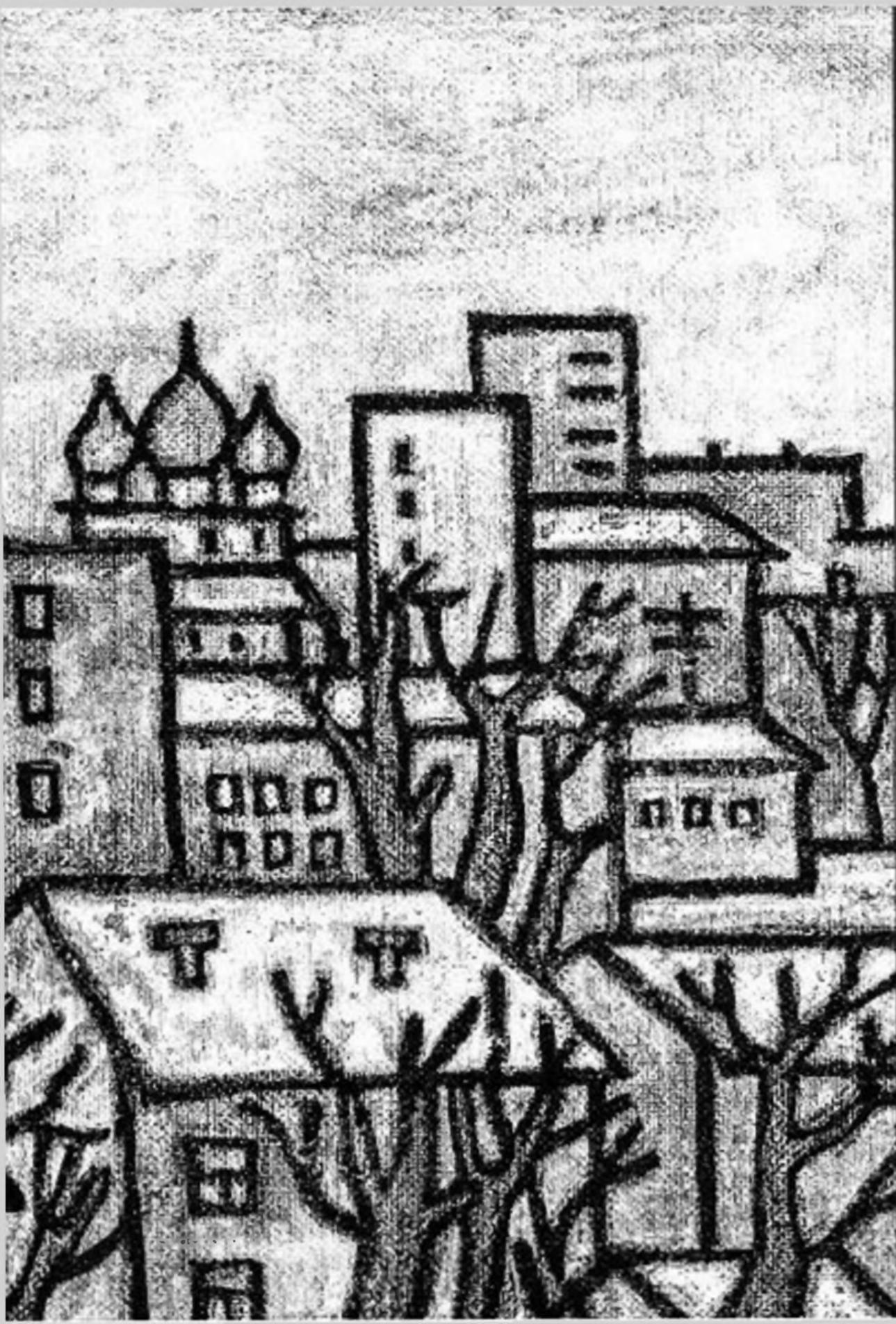
© Сидорова К. Р., 2020

Подписано в печать 28.05.2020.

Отпечатано в типографии ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»:

г. Кемерово, пр. Советский, 40. 650000. Тел: (3842) 36-56-47

Тираж 100 экз.

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ РУСЛАН СИДОРОВ